

Анна Веди

Душа

Анна Веди

Душа

«ИП Астапов»

2017

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6

Веди А.

Душа / А. Веди — «ИП Астапов», 2017

ISBN 978-5-906955-13-5

В чём смысл жизни? Есть ли душа? Что происходит по ту сторону смерти? Герои научно-фантастического романа «Душа» поставили эксперимент с целью научно доказать само существование души и проследить за её передвижениями после смерти человека. Сюжет охватывает период более тысячи лет. Вы окунётесь в захватывающие путешествия по другим мирам Вселенной и приблизитесь к разгадке секрета Мироздания. Эта книга поможет вам преодолеть экзистенциальную данность – страх смерти, научит жить с ним и развиваться. Автор предлагает взглянуть по-другому на смерть и на жизнь.

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6

ISBN 978-5-906955-13-5

© Веди А., 2017
© ИП Астапов, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анна Веди Душа

© Анна Веди, 2017

* * *

Глава 1

Утро

Сегодня я умру. Я это точно знаю. Я жду этого. Вам грустно, страшно? Вы считаете меня сумасшедшей? Ненормальной? Или, есть популярное слово, неадекватной. Мне – нет, не страшно, не грустно, и уверяю вас, что я в здравом уме и, как говорится, твёрдой памяти. Мне чрезвычайно любопытно и интересно, что там... Когда моё земное тело сделает последний выдох...

Я прожила отличную долгую жизнь. Сто двадцать один год – это прилично. Не самый долгожитель. Известны случаи, когда даже до ста пятидесяти лет доживали. С сегодняшней медициной и поддержкой внутренних органов это возможно. И я, думаю, смогла бы ещё дольше продержаться. Но, во-первых, мне, как я уже говорила, любопытно. Я всегда была интересующейся особой. А во-вторых, мой эксперимент готов к проведению. Вот уже месяц, как я устранила ошибку. Да, я не была готова. Спасибо Патрику, моему мужу, который умер год назад, предварительно согласившись участвовать в эксперименте. И не без интереса. Он всегда разделял мои, а я его интересы. Да, вы же не в курсе, что за эксперимент... На мой взгляд, он грандиозен! Я решилась приоткрыть тайну небытия. Мы нашли способ считать информацию с души, узнать, что же там, за чертой... Так вот, благодаря Патрику я обнаружила ошибку в системе инкубации тела. Чтобы считывать послания души, в теле должен быть максимально замедлен процесс разложения. Без глубокой заморозки его невозможно остановить полностью, как мы всей командой ученых ни ломали голову. Около года – это максимальный срок, которого мы добились. Ох, мурашки по коже. По моей ещё тёплой коже. Я ещё ощущаю это. Я в предвкушении чуда. Наконец-то! Нет причин, чтобы я передумала. Да это и невозможно. Здесь мысли ни при чём. Я чувствую свой конец, я его ощущаю. И это усилилось со дня смерти Патрика. Не потому что мне одиноко и непривычно без него. Я осознаю это максимально. Нет. Пришла пора. Всё совпало. Сложились пазлы. Есть ряд посылов от вселенной.

Пока что раннее утро, и все ещё спят. Тихо кругом, лишь птички поют, и слышен плеск океана. Я все дела сделала, всё сказала. Кажется, ничего не забыла. Сегодня проведу последний день с близкими, схожу на океан, погрею тело на солнышке. Хотя я всегда так жила. Ох-хо-хо, как же приятно осознавать впереди перемены! Я их люблю. Страсть как люблю. А эта – самая мощная за всю жизнь, собственно прекращение жизни тела. Что-то я почти счастливая. Не является ли это защитной реакцией? Всё же мне жаль оставлять моих любимых детей. Это привязанность. Может, мне страшно? Ну и что с того? Я всегда любила страх. Если чуть-чуть, это приятные ощущения. Как всегда, мне хочется всё ускорить, поэтому осаживаю себя. Как будто мне нет дела до окружающих. Они меня любят. А я люблю их. Но всё же я чуточку эгоистка. Эту свою материальную приземлённую сущность я приняла и тоже люблю. Без этого никак.

Я сижу на кровати, подложив под спину подушки, и смотрю в окно. Светает. Тёплый воздух струится в пространстве. Я вижу верхушки деревьев и кустарников, образующих зелёно-красный ковёр, а вдали бирюзовые воды океана, сливающиеся с небом. Скоро зайдёт Кристен. Она просыпается рано и всегда в первую очередь приветствует меня. Я её удочерила, как и остальных одиннадцать детей в период с пятидесяти до ста лет. Самому младшему сейчас двадцать пять. А Кристен сорок. Я решила не рожать, да и поздно было. Хотя, скорее, это моё осознанное решение. Возможно, я боялась и ленилась, но всё же в большей степени меня сподвигло на усыновление и удочерение сопротивление системе и общепринятым догмам, когда детдома переполнены, планета перенаселена. Куда ещё плодиться? А дети, они все одинаковые, и мне всегда было жаль брошенных. Как это? Даже сейчас мурашки по коже. Не вижу прелести

в дремучем стремлении к продолжению рода или наполнении жизни смыслом за счёт рождения детей. В общем, мы с Патриком подарили любовь и родительское тепло двенадцати детям. И всеми я могу быть горда. Жизнь я прожила отлично, созидательно, с удовольствием. Много творила и создавала. И много любила. Что это у меня за мысли, как будто я подвожу итог своей жизни? Так и есть, всё же последний день. Хочу поймать внутри себя страх, которым наполнена жизнь большинства людей. Страх смерти. Прислушиваюсь к себе. Есть чувство неизвестности и неопределённости, рождающее лёгкий страх. Пока что это более или менее приятно. Хотя я всегда стремилась помочь людям избавиться от этих экзистенциальных привязок, и раскрыть природу страха смерти явилось для меня первоочередной задачей. Если не будет этого страха, который зашит в подсознании на глубоком уровне, человек сможет жить легко и расслабленно, реализуя весь свой потенциал, не сковывая свои действия страхами. Это только так говорят, что «у меня нет страха смерти» или «я не боюсь смерти». На самом деле человек жутко боится умирать. Кажется, исчезни этот страх, пройдут и другие. Бессмысленность, одиночество и свобода. Всё же взаимосвязанно и циклично. На этой цикличности у меня и родилась гипотеза, ради которой задуман мой эксперимент.

Бульканье системы считывания мыслей на миг останавливает их поток. Мой взгляд перемещается на небольшой генератор. Он люминесцирует синим, дополнительно освещая комнату. Впрочем, его синева постепенно бледнеет по мере того, как дневной свет становится ярче и заполняет пространство вокруг. Да. Так начинается мой последний день.

Я нахожусь в своём институте. Хоть он и рядом с домом, но в последний год я поселилась здесь. Оборудовала комнату с видом на свой дом. Мне здесь хорошо. Я сама решила отделаться, чтобы мои близкие привыкли жить без меня. Конечно, они то и дело приходят и вмешиваются в рабочий процесс. Но не вижу в этом ничего страшного. Я их люблю. И понимаю, что некоторые из них, возможно, испытывают беспокойство, чувствуют, что я скоро уйду от них, и это рождает в них внутренний бессознательный страх смерти. Пусть переживут этот страх, потом станет легче. Уж я-то знаю эту истину. Ах, какой приятный аромат орхидей! Они высажены прямо возле моего окна. Я их вижу и чувствую их благоухание. Пришла Кристен, поцеловала меня и опять убежала. Скоро придёт Мила и принесёт мне завтрак. Точно, уже слышу её шаги. Мы удочерили её, когда путешествовали по Африке и Новой Зеландии. Она у меня мулаточка. Красивая и очень энергичная. Она уже родила троих детей. Честно, я запуталась во внуках и правнуках и порой путаю имена. Они обижаются иногда, но я всё списываю на свою плохую память, хотя она у меня хорошая, просто их много, да и некоторые очень похожи между собой.

– Доброе утро, дорогая! – Мила заходит в комнату плавно, как баржа плывёт по реке, раскачивая широкими бёдрами, источая аромат ванильного пудинга, брусничного желе и бисквита с маракуйей, папайей и бананами. Поднос с завтраком она картинно несёт одной рукой на высоте плеча, словно он невесомый и приклеен к её пальчикам. Моя Милочка любит покрасоваться. – Сегодня твои любимые лакомства.

– О, да! – мои глаза сверкают, потянув носом воздух, я расплываюсь в блаженной улыбке, предвкушая удовольствие. Я всю жизнь любила сладкое, всегда питала слабость к десертам. – Спасибо, дорогая.

Свободной рукой Мила вытягивает встроенную в стену подставку, которая повисает в воздухе, удерживаемая энергетическими лучами, направленными от стен. Дочь ставит на неё поднос и подвигает ко мне. Я подвожу к себе поближе и с упоением вдыхаю аромат, струящийся от блюд.

– И правда, праздник! Как день рождения. Только дни рождения отмечают каждый год. А день смерти я смогу отметить один раз. Причём сам день рождения я не могу отмечать, так как на момент рождения у меня нет сознания. Видимо, эту ущербность я могу компенсировать днём умирания.

– Это ты, так как знаешь, что умрёшь сегодня. Хотя я немного сомневаюсь и надеюсь, что это не произойдёт. Однако, глядя на твою уверенность, эти сомнения и надежды слабые. Другие люди не могут отметить свой день смерти. Для большинства это абсурд и нелепость.

– Тут я с тобой не соглашусь, Милочка. Например, у балийцев день смерти отмечается великим шествием и торжеством. У всех существует ритуал прощания с покойным, и похороны – тоже праздник. Но надо признать, что редко, когда сам умирающий может это отметить, так как немногие ожидают смерть и тем более её предчувствуют так явно, как я. Далеко не у всех настолько сильно развита интуиция. Я же очень ей доверяю.

– Да, здесь ты никогда не ошибаешься, – Мила тепло и нежно смотрит на меня, а я не могу оторваться от лакомств, медленно и с наслаждением ем пудинг.

– Очень вкусно! Спасибо тебе, дорогая. Я никогда не забуду твои кулинарные шедевры. И ведь никто не учил тебя. Откуда ты всё это знаешь?

– Ты же сама мне говорила, что я вспоминаю из прошлых жизней, – улыбаясь и играя ямочками на щеках, говорит Мила.

– Да, есть память поколений, так же, как и роевой интеллект. И я докажу это! Я чувствую, что в этот раз всё пройдёт как надо. И к тебе просьба, дорогая, так как ты наиболее информирована об эксперименте. Пожалуйста, не говори никому ничего, пока я сама это не сделаю.

– Хорошо.

Я поворачиваю голову к окну в парк, погружаясь в поле сиреневых орхидей и красных маков. С наслаждением смакую десерт и запиваю чаем. Улыбка блаженства озаряет моё лицо, и внутреннее ощущение предстоящего чуда прокатывает волнами по телу. Сегодня мне предстоит написать прощальные письма близким и родственникам. Всё остальное готово. Приборы тщательно проверены, инструменты, индикаторы, дополнительные материалы в полном объёме и даже с избытком. В последние два дня мы старались не говорить о том, к чему готовились порядка десяти лет. Ведь идея провести эксперимент зародилась именно тогда. И вот, все эти годы она вынашивалась, проверялась. Было допущено множество ошибок. Порой я готова была отчаяться, но благодаря Патрику приободрялась и, доверяясь интуиции, этому внутреннему чутью, снова принималась за исследования. Теперь всё с большей ясностью я вижу весь процесс. И когда я сама буду испытуемым, это усилит результат. Я поняла, что человек должен быть сильным интуитом. Просто так чувства не передашь, если не подготовлен. Поэтому надо уметь чувствовать всю жизнь или хотя бы бо́льшую её часть, только тогда формируется интуиция. Остальные чувства для неё база, основа, фундамент.

– Спасибо, дорогая, за наивкуснейший завтрак! Займусь делами, пожалуй, – улыбаюсь я Миле, счастливая и довольная.

– На здоровье, мамочка, – Мила чмокает меня в щёку и забирает поднос с посудой, а подставку отправляет обратно в стену легким и точным жестом.

Я встаю. Отсоединяю себя от аппарата, сканирующего мысли, – ментафона, – проведя рукой за левым ухом и деактивируя чип, ставлю его в режим фильтрации. Теперь он сам распознает мусор и важные и полезные мысли. Таким же образом поступаю с чипом эмоций – астрафоном, – вживленным в область солнечного сплетения. Слегка надавливаю пальцами на верхнюю часть живота. Я всегда проделываю это после пробуждения, чтобы перезагрузить систему, отфильтровать и очистить информацию.

В институте тишина. Немногочисленный персонал ещё не пришёл, кроме двух дежурных медработников, которые наблюдают за шестью пациентами. Наши пациенты умерли не так давно и находятся в барокамерах, подключенных к аппаратам, считывающим энергетический поток. Это добровольцы, интересующиеся жизнью после смерти и верящие в науку. Скоро среди пациентов буду и я. С каждым разом мы приближаемся к истине, но что-то ускользает, чего-то не хватает. Тела лежат три месяца, а потом мы их отдаём родственникам. С самими телами мы ничего не делаем, никаких опытов. Нам важен энергетический поток, который отде-

ляется от тела после последнего выдоха. Этот поток и есть душа. Мы создали условия, чтобы можно было наблюдать за ней. Однако, как бы мы ни готовили человека к окончанию жизни, он напуган, и кажется, душа его напугана. Даже если внешне он и выражает радость и смел, бессознательный страх остаётся. Пару раз удалось войти в контакт с душами, а потом они исчезали. Вот мы и модернизируем аппараты, постоянно работаем над повышением чувствительности аппаратуры, чистотой сигнала.

Я выхожу в парк возле дома и спускаюсь к океану, он совсем рядом. Там я люблю медитировать. Снимаю сандалии и иду по мягкому песку. Слегка прохладные волны накатывают на мои ноги и омывают свежестью утра. Так я иду вдоль берега, касаясь земли и ощущая её. Останавливаюсь. Выгибаюсь, запрокинув голову, чтобы лицо и грудь были обращены к солнцу и небу, и стою так несколько минут, сложив руки перед солнечным сплетением ладонями друг к другу. Стараюсь ни о чём не думать, просто наслаждаться. Сейчас это у меня получается легко. А первое время, когда я только ввела в свою жизнь практику медитации, было сложно уходить от мыслей и бытовухи.

С криками пролетают чайки. Волны с шумом разбиваются, оставляя пену на ногах. Я возвращаюсь к институту. Пахнет утром и первозданной свежестью. Лёгкий ветерок касается моего тела. Восходящее солнце греет своими лучами.

– Бабушка, бабушка! – слышу я крик, поворачиваю голову и вижу, как со стороны парка ко мне бежит один из внуков. – Бабушка, смотри, что я нашёл!

– Доброе утро! И ты рано проснулся? Молодец! Что там у тебя? – расплываюсь я в улыбке.

– Смотри, – запыхавшись, говорит он и раскрывает сжатый кулачок, в котором оказался огромный жук. – Он умер, видимо, потому что не двигается, или спит.

– Спит, наверное. Дай я посмотрю, – я беру ладонь внука и приближаю её к себе. – А может, и умер. Он какой-то сухой уже.

– Бабушка, а почему умирают?

– Таков закон природы. Она циклична. Чтобы родилось что-то новое, надо умереть. И наоборот.

– А он снова родится потом?

– Он уже вряд ли. Родится что-то другое на Земле.

– А умирать страшно?

– Нет, не страшно. Это переход на другой уровень, в другой мир. Вот ты растёшь, развиваешься и постепенно переходишь на новый уровень своего развития. Сначала ты был младенцем, потом начал ходить, потом школа, образование, рядом с тобой родители. А потом ты выйдешь в самостоятельную жизнь, научишься принимать решения, брать ответственность. И всегда будешь развиваться.

Мы сворачиваем в парк и к дому.

– А если я не хочу учиться и развиваться? Или у меня не получится?

– Пока это ответственность родителей – вызвать у тебя интерес к знаниям и развитию, а потом сам будешь интересоваться новым и неизведанным. Ты сын природы, такой же, как и вот этот цветок, – я наклоняюсь и показываю рукой на одну из орхидей, которые растут вдоль тропинки. С удовольствием вдыхаю их аромат. – Он стремится к свету и теплу. Для человека свет – это знания, тепло – любовь. Когда этого в достатке, человек и цветок развиваются и растут.

– Бабушка, смотри! – внук присаживается возле мака. – Этот ещё не проснулся, он закрыт. Обычно, я помню, у него раскрытый бутон.

– Да, сейчас раннее утро, природа только-только просыпается. Вот мы с тобой встали рано, а мак еще не проснулся, ждёт больше солнышка.

– Я бы вообще не ложился спать, иногда так не хочется, и я лежу и не могу уснуть.

– Сон необходим всем, для восстановления жизненной энергии, отдыха. Сон – это тоже переход в другое состояние. Тело отдыхает, а мозг работает. Тебе снятся сны?

– О, да! Ещё какие, бывает, снятся, – смеётся он. – Недавно приснилось ужасное чудовище. Оно гналось за мной, и мне было страшно. Я сначала плакал, но потом папа объяснил, что это не по-настоящему, а потому что я накануне смотрел страшилку по сети и думал о чудовищах. Это осталось у меня в памяти и поэтому приснилось.

– Да, так и есть, – я улыбаюсь и останавливаюсь. – Всё, дорогой. Спасибо тебе за утреннюю прогулку.

Я немного наклоняюсь, и ребёнок чмокает меня в щёку. Мы расходимся по разным тропинкам. Он домой, а я в институт.

Я иду медленно, то и дело останавливаюсь, оглядываюсь, пытаюсь вобрать глазами окружающий мир, полностью насытиться красотой земной природы. Бабочка садится на моё плечо, и я улыбаюсь. Датчик показателей моего здоровья, подкожный микрочип, вшитый в руку, пропикал утреннюю сводку. Я машинально смотрю, ничего нового. Моё тело функционирует стабильно, а душа просит перемен и полёта. Считаю, свою миссию я выполнила. Последние штрихи, и сегодня предстоит завершающий этап. Думаю, основной в этой моей жизни.

Хотя к последнему эксперименту мы шли лет десять, наш исследовательский процесс длится уже более пятидесяти лет, с 2045 года. Началось всё с идеи создания института сновидений, выглядевшей как развлечение и просто каприз. Что ещё можно узнать из снов? Всё давно изучено, описано, ведь исследования начались ещё в конце девятнадцатого века родоначальником психоанализа Зигмундом Фрейдом. Он тоже изучал сновидения и толковал их. Мы с моим мужем Патриком создали сперва лабораторию, потом аппарат, который считывал сновидения, регистрировал и визуализировал, так что можно было выводить их на экран. Патрик был гением в разных областях науки, имел феноменальную память и жажду знаний всего. Поначалу мы забавлялись, когда смотрели на экране наши сны. Очень много смеялись и подшучивали. Так мы открыли завесу бессознательного. У нас были очень близкие отношения, мы чувствовали тесную связь. В буквальном смысле слова, потому что мы доверяли друг другу тайны очень интимного характера, в которых самому себе бывает страшно признаться. Я улыбаюсь, погружившись в приятные воспоминания и наслаждаясь прошедшей жизнью. И тут же мой мысленный поток переносит меня далеко в будущее. Оно не сформировано и проявляется лишь короткими фрагментами. Обычный человек скинул бы это всё на полёт фантазии и мечты. Но я-то уже знаю, в силу своих высоко развитых интуитивных способностей и обострённого восприятия, что это не просто полёт фантазии. Это нечто большее, во что я верю беспредельно. Я твёрдо убеждена в своей божественной сути и в том, что я здесь ради выполнения особой миссии. Каждый человек имеет божественную суть, и прибыл на Землю для выполнения особой миссии, но это осознание настолько глубоко закрыто мусором бытовой жизни, эмоциональных травм, деструктивных отношений и излишеств, что человек постоянно возвращается в одно и то же состояние, чтобы прожить и осознать. И всё очень синхронно повторяется. В одной своей жизни человек ходит по кругу, притягивая одни и те же события и ситуации, чтобы прожить их. А что за пределами этой жизни? И на этих повторениях, цикличности и закономерностях мы построили наш эксперимент. Сначала появилась убеждённость, а потом она переросла в реальные опыты. Мы вышли за рамки жизни, расширили границы возможного. Я настолько натренировала свой мозг и тело, что могу засыпать от одной только мысли, что я погружаюсь в сон. У Патрика получилось умереть, как только он сконцентрировался на мысли о своём умирании и том, что он реально умирает. Самое простое, – когда я испытываю голод, мне достаточно сказать себе, что я сыта.

Сегодня я сфокусируюсь на умирании. Я уверена, что мне уже пора перейти на другой уровень и в другой мир. У нас ещё нет чётких данных, что происходит после смерти. Есть религия, изотерическая литература, догадки, предположения, ощущения, которые очень

сильно продвигают знания о небытии. И я давно чувствую это. Но мне хочется научно доказать. Это значительно облегчит жизнь многим землянам. Начиная с того, что они не будут испытывать животный страх смерти, и заканчивая новым уровнем развития человечества. Когда есть знание, страх исчезает. Пугает неопределённость. В данном случае неопределённость небытия земного. Знание повлечёт за собой дальнейшее развитие человечества. Его можно будет передавать из поколения в поколение, благодаря ему развиваться и расти. Если моя интуиция права, – а я чувствую, что на верном пути, – тогда можно запоминать, в ком была душа в настоящей жизни, и передавать эту память в будущее. Может, даже создать банк для хранения информации о душах. Моя задача – начать эксперимент, а кто-то его продолжит.

Я чувствую возбуждение и прилив энергии в своём теле. Предвкушаю предстоящие события. Оглядываюсь вокруг, окружающий меня мир прекрасен. И это я создала его таким. Наше окружение – наше отражение. Приятно осознавать и чувствовать результат своей жизни. Начиная с парка, разделяющего мой дом, где сейчас живут родные, и мой институт. Все растения в нём привезены из разных уголков Земли. Здесь собрана удивительная коллекция редких и диковинных видов. Архитектура дома и института разрабатывалась по желанию и потребностям моим и моего супруга. Но всё же это не основное. Камни, из которых построены здания, когда-нибудь разрушатся, растения чувствительны к климатическим изменениям. Главное – это мои научные изыскания и наши эксперименты. Вот это, я хотела бы, чтобы осталось на века. Лишь истина уходит в поколения, в отличие от наружного блеска, рассчитанного на мгновение. Сейчас я стою на пороге великого открытия. Может быть, на моём месте кто-то хотел бы упоения славой и почётом, но я поняла другую суть. От этого опять мурашки по коже. Постараюсь пока не торопить события. Я знаю, что на слово никто мне не поверит. Нужны доказательства. И когда об этом будут знать люди, это будет прекрасное время. Потому что это знание делает человека счастливым, лишённым страхов и ненужных стремлений типа власти, славы и тому подобного. Начнётся поистине золотое время. Сколько ночей я не спала, когда меня озарила эта идея, и потом, когда стали появляться многочисленные подтверждения правильности моих догадок. Первые опыты. Пусть они не удавались до конца, и было много ошибок, но я всегда верила и знала, что рано или поздно всё получится. Отлично, что у меня есть ментафон – устройство, записывающее мои мысли. Хотя они вразброд, впоследствии редактор обработает их автоматически. Главное – не забывать его перезагружать. Прослушивая его, я часто ловила ценную информацию, которая обычно утекает и ускользает в бешеном потоке, проносащемся в мозгу. Я научилась жить и без мыслей совсем. Путём медитации и концентрации на высших энергиях. Здесь нет мыслей, есть только внутреннее чувство, представление визуальных образов и внутреннее созерцание. И только в этой полной тишине я слышу внутренний голос. Это божественные ощущения. Первую треть своей жизни я не верила в свою божественную суть и существование Бога. Я росла в семье научных работников, где было принято атеистическое мировоззрение и предпочтение отдавалось доказанному знанию. Но как-то я это почувствовала, а потом появилась вера. Сначала я пыталась логически доказать себе, а поскольку не было доказательств, которые бы чётко подтверждали отсутствие или присутствие божественного в жизни человека, я пробуксовывала. Потом я услышала фразу, что об этом не надо знать, это надо почувствовать. И я почувствовала. И все сомнения враз улетучились. Я наконец-то обрела спокойствие и умиротворение. Божья коровка села на моё плечо. Как не верить в чудо? Стоит только подумать и послать мысль во вселенную, она реализуется. Да, не все мысли и желания сбываются. Здесь тоже сложно было отделить, что важно, а что несущественно или диссонансно. Я упорно работала над развитием своего внутреннего голоса, своей интуиции, своего шестого чувства.

Технологии к 2090 году достигли невиданного уровня. Компьютеры были везде и нигде. Они пронизывали всё кругом, как электропроводка и свет от неё. Чтобы минимизировать размеры устройств, информацию уже стали сохранять на молекулах. Почти во всех сферах жизне-

деятельности человека функционируют роботы. Человеческий труд стал не нужен и не выгоден. Остались ценными и востребованными лишь творческие профессии, работа учёных, – там, где нужны фантазия и идеи, – а также где требуются решения в обход правил, где нужно принимать во внимание человеческий фактор. Машины же отлично выполняют остальную работу и справляются намного лучше, чем человек. Настала эпоха бурного роста технического прогресса. Однако, на фоне этого человек, оставшийся без работы, почувствовал себя ненужным и лишним. Мало кто смог найти себя в жизни и реализовать. Но даже это порой было ненужным. Когда-то ценную работу хирурга сейчас выполняют роботы, и руки у них не дрожат никогда. Прокатилась волна самоубийств, уход в алкоголь и наркотики, употребление таблеток и других химических заменителей счастливой жизни достиг масштабов пандемии. Психбольницы переполнены. Возникла потребность в новых санаториях и лечебницах, где бы с выкинутым за борт населением работали психологи и терапевты. Всё прошлось волнами. Сначала глобальная роботизация всего, а потом обесценивание человека и его роли в жизни. Да, средства массовой информации вещают, что роботизация – это лучший выход для человечества. Человек не должен работать, ему надо отдыхать и заниматься творчеством, – вот его истинное предназначение. Но разве можно в один миг переписать сознание человека, всю жизнь из поколения в поколение воспитанного на том, что надо работать, что труд сделал из обезьяны человека, что труд облагораживает? В России было время, когда не просто осуждали за тунеядство, это было позорным явлением, более того, являлось правонарушением. Когда наступает экономический спад, предприятия частично или полностью закрываются и люди оказываются на улице, растёт безработица, бывшие работники, оказавшиеся не у дел, чувствуют свою ущербность, отверженность обществом. Но проблема человечества не в отсутствии работы как таковой, а во внутреннем осознании человека. Он может быть при работе, но выполнять свои функции, как робот, совершенно не развиваясь. Для того чтобы самореализоваться, подходят не все профессии, и не каждый, далеко не каждый человек способен и имеет желание к самовыражению. Так воспитан. Такими были его предки. Таковы убеждения. С роботизацией и научным прогрессом многие люди оказались невостребованными. А для большинства смысл жизни состоит в том, чтобы заполнить её под завязку всё равно чем, – семьёй, работой, детьми, телевизором, разговорами, – чтоб хотя бы на шаг отдалиться от ощущения бессмысленности жизни, вязкого чувства одиночества и от леденящего ужаса смерти. Ох уж эти страхи!!! И как часто люди делают неосознанный выбор, руководствуясь просто: «А так у всех. Так все делают». А зачем? Каждый, лично, задаёт себе этот вопрос? Для чего всё это надо?

Я чувствую какое-то движение за спиной. Медленно поворачиваю голову, но там никого нет. Я иногда ощущаю поток энергии рядом с собой. И мне интересно, что там происходит в другом мире? Скоро узнаю. Этот интерес возбуждает. Я по-прежнему люблю риск и страсть. А всё новое и неизведанное рождает эти ощущения. Погода стоит прекрасная. Тёплая ранняя красивая осень. Ураган красок. Ярко. Я ещё раз убеждаюсь в правильности своего выбора времени для завершения жизненного пути. Всё совпало, и пазлы сложились как надо. Много синхронии. Подхожу к институту, оглядываюсь на парк и созерцаю красоту земной жизни. Вдыхаю аромат осени и утра. Телом ощущаю лёгкий ветерок и тёплый воздух. Закрываю глаза. Мурашки по телу. Ощущение счастья и любви. Лёгкая улыбка не сходит с моего лица, она приклеилась уже давно. Окидываю всё вокруг внимательным взглядом. Я всегда хочу поглотить глазами то, что вижу. Зрение, слух, обоняние, осязание, интуиция, – все мои чувства обострены. Захожу в институт. Он уже тоже проснулся. Суетятся роботы, наводя чистоту. Переговариваются учёные, обсуждают что-то. Увидев меня, кивают головами, приветствуя. Я давно перестала подчеркнута здороваться и прощаться. Все здесь практически живут, и нет необходимости в особых приветствиях. Это несущественно и необязательно. Когда думаешь о вселенной, всё остальное становится настолько мелким. Почему во вселенском масштабе нет смысла в жизни? Возможно, потому что земная жизнь временная? Или она очень мала

и ничтожна даже для галактики? Я всего лишь маленькая песчинка планковского масштаба, невидимая, а если и видимая, то как-то по-другому, в другом мире, другим наблюдателям, так же, как и я на своём антропном уровне не могу увидеть другие миры всевозможных вселенных. Но кажется, могу почувствовать. Чувствовали и другие люди, до меня. И передавали из поколения в поколение. Мы чувствуем, а физики научным путём доказывают обоснованность наших ощущений. И все мы идём к священному Граалю, к теории Всего. Или Ничего. По сути это одно и то же.

Глава 2

Квантовая механика

Я живу и работаю вблизи адронного коллайдера. Это мощная станция, на которой перегоняют большие потоки энергии и которую мы с Патриком построили сами. Первый в мире адронный коллайдер был создан, чтобы выяснить, как образовалась вселенная, и чтобы воспроизвести условия, имевшие место сразу после Большого взрыва, в результате чего из тепловой энергии родилась материя и материальный мир, который мы можем наблюдать. Меня всегда интересовала антиматерия. Не знаю, откуда у меня страсть ко всем «анти», но этим прямо-таки пронизана вся моя жизнь. Мы выдвинули гипотезу, что антиматерия – это духовный мир, который невозможно наблюдать визуально, но можно почувствовать на ментальном уровне. Сначала это была даже не гипотеза, а просто мысль, которая мелькнула у меня в голове. Мелькнула и не ушла, а стала постепенно овладевать мной, незаметно для меня самой. Мне было тогда сорок лет, я была молода и полна сил. Именно тогда я утвердилась в мысли, что существует другой мир. Но не сразу. В то время об этом много и писали, и говорили, и было много фильмов на тему высших сил. Поначалу я этого не чувствовала и поэтому не могла поверить, считала очередной сказкой. Но однажды меня будто пронзило током от осознания масштабов вселенной и от вопроса, а что же там, за её пределами? Я вдруг ощутила связь с высшими силами и наполнилась энергией, дотоле мне неведомой. И мне пронзительно захотелось заглянуть в этот иной мир. Но как? Я стала собирать информацию, всё больше убеждаясь, что это не фантазия, не досужие домыслы, просто эта область пока ещё за пределами человеческого знания. Тогда же мне посчастливилось побывать на конференции, где поднимались вопросы субатомной физики и квантовой механики.

– Спиральные галактики подобны крутящимся шутихам. И звёзды в них вращаются вокруг общего центра так быстро, что по законам физики должны разлететься прочь, подобно разогнавшемуся автомобилю, который выносит в кювет на резком повороте из-за слишком большой центробежной силы. Чтобы звёзды оставались в своих галактиках, на них должны действовать дополнительные гравитационные силы. Поэтому есть предположение, что в галактиках есть нечто, вносящее свой вклад в силу тяготения, но не отображающееся ни в каком диапазоне электромагнитного спектра. Эту загадочную субстанцию мы называем тёмной материей.

За кафедрой выступал Франкл Броуз, молодой профессор Оксфордского университета, специализирующийся на физике элементарных частиц. Глаза его излучали уверенное спокойствие и свет. Я жадно впитывала все его слова и даже дыхание.

– Любые частицы, подверженные влиянию магнитного или электрического полей, могут испускать электромагнитное излучение. Частицы тёмной материи должны быть индифферентны к этим силам. Возможным кандидатом на роль тёмной материи могут быть нейтральные субатомные частицы, например, нейтрино. Это неуловимые частицы, несущиеся сквозь вселенную почти со скоростью света. Именно в этом и заключается проблема, потому что современные космологические модели согласуются с наблюдаемыми свойствами галактик лишь при условии, что тёмная материя состоит из медленно движущихся массивных электрически нейтральных частиц, которые способны легко проходить сквозь Землю, но изредка могут оставлять следы, сталкиваясь со специальными датчиками.

Он ещё много говорил, а я сидела с открытым ртом и слушала, и воспринимала по-своему, не как физик или астроном с их естественнонаучным мышлением, а на своём уровне, с точки зрения духовного развития. У меня философское образование, но я всегда интересова-

лась естественными науками, потому что убеждена, материальный и духовный мир – неразрывные части вселенной.

Для участников конференции в огромном фойе были организован фуршет. В перерыве люди, разбившись на небольшие группы, обсуждали доклад и свои темы, отдавая должное напиткам и разнообразным закускам. Я медленно прохаживалась и пробовала то одно блюдо, то другое. Тут в моё поле зрения попал Франкл. Он непринуждённо беседовал с каким-то привлекательным мужчиной. Я обрадовалась возможности пообщаться со старым товарищем и направилась в их сторону. Видимо, уловив мою энергию, Броуз повернул голову и расцвел в улыбке. Мы знакомы с юности, еще по университету, вместе учились, общались, и сейчас я испытывала некоторую гордость, что он так увлечён наукой, ставит серьёзные эксперименты, выступает с докладами.

– Отлично выступил! Я с удовольствием и интересом слушала и впитывала, – вместо приветствия похвалила я, улыбаясь Франклу и мельком взглянув на незнакомца.

Мы обнялись, как положено давним друзьям.

– Рад видеть тебя! Молодец, что нашла время и приехала, – Франкл, оставив руку на моём плече, развернул меня на своего собеседника. – Позвольте вас представить. Это мой коллега Патрик. А это моя университетская подруга Ева. Мы учились на одном курсе, правда, Ева у нас не физик, а философ. Но, как видишь, гуманитарные науки не отбили у нее интереса к природе, – добавил он с лукавой улыбкой.

Патрик смотрел на меня большими глазами, наполненными любовью, интересом и удивлением. Я также около тридцати секунд смотрела в его глаза и не могла оторваться. Их глубина меня поразила и покорила. Время остановилось, мы как будто играли в «замри».

– Очень приятно, – очнувшись наконец, он слегка поклонился, и я протянула ему свою руку.

Его рука оказалась тёплой, а прикосновение приятным. У него были привлекательные черты лица, ухоженная борода, пушистая шевелюра с золотистым отливом. Да, его волосы меня поразили. Длинные, ниже плеч, круто вьющиеся и от того очень пушистые. Если бы не банда, которая, видимо, и была на нём, чтобы сдерживать их объёмность, он был бы похож на солнышко.

– Ты похож на ангела, – сказала я, потому что мне так показалось.

– Хорошо, что хоть не на чёрта, – ответил он неожиданно громко.

Голос у него был также необычный. Его тембр сложно описать, но однозначно не похожий ни на один другой, низкий, глубокий, обволакивающий. Звучал он громко, твёрдо и уверенно. Мы рассмеялись его шутке. Он и смеялся громко, привлекая внимание окружающих. Я никогда не встречала таких людей. Он был очень непохож на тех, кого я знала. Тело у него маленькое, щуплое, а голова, благодаря причёске, большая. При этом от его голоса, взгляда, да и от него самого исходила сила и мощь. Компенсация. Одним словом, чудо.

Тут Франкл подался вперёд, явно увидев кого-то.

– Прошу прощения, вынужден ненадолго вас покинуть. Скоро вернусь, – почти пропел он и быстрой летящей походкой направился в другой конец зала.

Какое-то время мы стояли молча и поглядывали друг на друга. Патрик иногда глупо улыбался, не решаясь заговорить.

– Мне интересно, как ты проводишь свои эксперименты и где? Ведь необходимы особые условия и место, – решила я прервать молчание, видя его нерешительность и отнеся это к его скромности.

– Мы стараемся воспроизвести условия, имевшие место сразу после Большого взрыва. Большой адронный коллайдер может породить тёмную материю. Он находится возле Женевы, – Патрик обрадовался, что может говорить на любимую тему, и с энтузиазмом принялся рассказывать, тем самым снимая тяжёлую неловкость от молчания.

– Можно поподробнее? Что за условия такие? Что такое адронный коллайдер? Это типа экспериментальной лаборатории?

– Совершенно верно. Это огромнейшая лаборатория. Антиматерия и материя при соприкосновении аннигилируют, превращаясь, как правило, в гамма-излучение. И наоборот, энергия может превращаться в равное количество вещества и антивещества. Так из тепловой энергии Большого взрыва родилась материя, которая образовала наблюдаемую нами материальную вселенную.

– А антиматерия? Что с ней произошло?

– Антиматерия также при этом родилась, и она должна была привести к аннигиляции всей материи. Но что-то сместило равновесие в пользу материи. И это загадка. Есть предположение, что в поведении вещества и антивещества есть различия. Именно поэтому небольшое количество вещества и антивещества смогло пережить начавшуюся Великую аннигиляцию вслед за Большим взрывом, хотя в первые мгновения Большого взрыва вещество и антивещество возникли в равной пропорции.

– Как интересно! И загадочно. Что же повлияло на то, что произошло смещение? Что за некая сила неизвестная?

– Да, существует силовое поле. Здесь ещё одна загадка. Такие частицы, как электроны, обладают массой. Если бы не было массы, то не существовало бы таких структур, как атомы, а вместе с ними и нас. Будь электрон безмассовым, атомы имели бы бесконечные размеры, иначе говоря, их бы не существовало. Мы предполагаем, что источником массы элементарных частиц служит их взаимодействие со всепроникающим силовым полем.

– Я правильно понимаю, что Большой адронный коллайдер имитирует столкновение частиц в первые мгновения Большого взрыва?

– Да! И даёт представление об уровне энергии. Мы пытаемся найти свидетельства того, что вещество и антивещество ведут себя по-разному, и различия либо в том, как они возникают, либо в особенностях их распада.

– Мне кажется, в особенностях распада. Всё же процесс зарождения нам виден и известен, а распад не до конца...

– Что ты имеешь в виду?

– Мы знаем, как распадается материя, и как зарождается материя. Как зарождается антиматерия тоже можно предположить, а вот распад антиматерии неизвестен.

– А я вот что скажу вам, дорогие мои, – мимо нас в это время проходил мужчина средних лет с кислородным коктейлем в руках. – Услышал ваш разговор, и я как раз думаю на эту тему. Какая синхрония! Невидимые силы и энергетический поток направил меня в вашу сторону! Фундаментальные свойства природы суть соотношение неопределённостей. Любая попытка посмотреть на явление сколько-нибудь пристально непременно оказывает на это явление неконтролируемое воздействие...

Мы с интересом разглядывали мужчину. Выглядел он несколько чужаковато, впрочем, как и большинство учёных, погружённых в идею. Казалось, что он сдерживает суетливость и бешеный поток мыслей нарочито медленными и плавными движениями. Он отпил коктейль из трубочки. Мы отпили сок. Я внутренне немного обрадовалась такому внезапному вторжению из внешнего мира, так как почувствовала какую-то непонятную связь с Патриком, и мне нужен был таймаут, чтобы разобраться в себе и осознать свои ощущения. Периодически мы с ним переглядывались и улыбались, пока мужчина говорил.

– Так вот, я продолжаю, – радуясь, что нашёл слушателей и единомышленников, вдохновлялся учёный. – На чём я остановился? А! И причём тем более неконтролируемое, чем более мелкие детали нас интересуют. Для того чтобы различить малый масштаб, требуется большая энергия. Нужно разгонять частицы всё сильнее, если мы хотим изучить всё более мелкие детали. Да-да, мы должны работать в планковском масштабе. А чтобы до него добраться,

нужно собрать в одном месте едва ли не всю энергию, что есть во вселенной. Она когда-то и была заключена в таком предельно малом планковском объёме, но лишь в момент, близкий к рождению нашей вселенной.

– Пока что это невозможно осуществить, насколько я понимаю. Но откуда тогда известно, что там происходит что-то необычное?

– Да, там происходит нечто необычное, то, чего не существует ни в каком привычном нам смысле, – учёный отрешённо посмотрел куда-то вдаль. – Кстати, я ведь не знаю, как вас зовут.

– Что значит «в привычном нам смысле»? Я Ева, – улыбнулась я, захваченная темой и стараясь не отвлекаться.

– На антропном уровне, живя в трёхмерном пространстве, мы всё воспринимаем только исходя из длины, ширины и высоты. Это три измерения, в которых мы легко можем представить нашу вселенную. Четвёртый параметр, который наблюдает человек, – это время или протяжённость. К сожалению, мы можем наблюдать его крайне ограниченно. Мы можем видеть наш мир в каждой отдельной точке, но нам недоступно движение вдоль оси времени, как, например, вверх-вниз или вперед-назад. Принимая постулат, что время – ещё одно измерение нашей вселенной, логично предположить наличие бесконечного множества параллельных миров – возможное развитие нашей вселенной после Большого взрыва, а если смотреть более глобально, то и другие вселенные и их возможное развитие во времени. Но это лишь теория, потому что мир в доступной нам части управляется квантовой механикой, той самой наукой, существенными элементами которой является соотношение неопределённостей. И в случае с ядерными силами получается всё хорошо. А вот с теорией гравитации, той самой общей теорией относительности Эйнштейна, всё плохо, – вставил Патрик, с улыбкой подавая руку неизвестному учёному. – Я Патрик.

– Всё верно! Имеется масштаб, на котором квантовые эффекты становятся не просто большими, а неконтролируемо огромными, лишая всякого смысла наши попытки с ними разобратся. Квантовая природа гравитации нам неизвестна! Но уверен, что проникновение на такой уровень принесло бы нам потрясающие знания о том, что самая, казалось бы, базисная ткань мироздания на самом деле сложена из чего-то ещё более фундаментального, чего-то, что может сформировать пространство-время.

– А может существовать и в совершенно иных формах... – добавила я и улыбнулась.

Внезапно учёный что-то вспомнил.

– Прошу меня извинить, мне нужно срочно удалиться. Жаль, только успели познакомиться, и придётся расстаться. Надеюсь, ещё увидимся и пообщаемся.

И он, слегка прихрамывая, заспешил к выходу. Мы с Патриком переглянулись.

– Может, перекусим? Кажется, я проголодалась.

– Да и я бы тоже чего-нибудь пожевал.

Мы переместились к фуршетным столам. Я, в задумчивости о теме мироздания, скорее машинально выбирала сыры, мясо, овощи. Патрик тоже молчал. Но стоило нам оказаться друг напротив друга, как мысленный поток вырвался в словах.

– Почему бы не изобрести методы глубинного зондирования природы пространства и времени?

– Пока что нет таких методов. Я как раз-таки ломаю голову над этим, – улыбнулся Патрик. – Дело в том, что и в планковском масштабе линии пространства-времени искривлены, просто с учётом расстояний эта нелинейность практически ненаблюдаема. Но даже ничтожные эффекты можно сделать заметными, если есть возможность их накопления.

– Планковская длина – это масштаб, на котором перестают работать наши обыденные представления о пространстве? Я правильно понимаю? И необходимо совместить фундаментальные теории – квантовую теорию субатомного мира и теорию относительности, описывающую поведение пространства и времени?

– Да, всё верно. И эти две теории необходимо совместно использовать для описания структуры пространства и времени в планковском масштабе. Это число с 34 нулями после запятой.

– Но в этой области наверняка есть какие-то исследования. Ведь есть данные, и мне было бы интересно с ними ознакомиться.

– А что за интерес у гуманитариев к физике? – Патрик улыбнулся.

– У меня есть одна идея, но пока что она сырая, и я боюсь её озвучивать. Мне надо накопить больше информации, чтобы утвердиться в своих догадках.

– Понятно. Значит так, существует несколько теорий. Одна из них – это теория суперструн, согласно которой материя в масштабах порядка 10^{-35} рассматривается как полевая структура, представляющая набор стоячих волн. Колебания этих струн совершаются в десятимерном пространстве, все измерения которого, кроме привычных нам, свёрнуты в сложные формы.

– Потрясающе! Я так и думала! Я догадывалась, я это чувствовала.

– Да? Эта теория уже не новая. А вот относительно недавно космическим телескопом «Ферми» зарегистрированы гамма-лучи – самый высокоэнергетический вид излучения. Это был двухсекундный гамма-всплеск, пришедший из галактики, находящейся от нас на расстоянии 7 миллиардов световых лет.

– Боже мой! Фантастика!

– В составе этого всплеска астрономы обнаружили пару квантов с длинами волн, различающимися примерно в миллион раз.

– Соответственно, во столько же раз различается их энергия? Невероятно!

– Нам нужен микроскоп в 10 миллионов миллиардов миллиардов раз более мощный, чтобы разглядеть события в планковском масштабе.

– То есть нужно такое увеличение, чтобы отдельный атом казался бы больше целой галактики?

– Всё верно. Если нечто локализовано в области меньшего размера, гравитационное искривление окажется столь сильным, что вся область пространства превратится в крошечную чёрную дыру.

– Чем точнее определена область пространства, тем неопределённое количество содержащейся в ней энергии.

Казалось, я задыхаюсь от возбуждения, настолько синхроничны были эти научные факты с моими догадками и гипотезой, которая даже мне порой казалась фантастической. Теперь я понимала, что на правильном пути. И если совместить духовное и физическое, я найду отгадку, истину, тайну мироздания. Я подошла к столу с напитками за бокалом энергококтейля.

– Я убеждён в многомерности нашего пространства, – стоя у стола, двое учёных горячо спорили, и я невольно подслушала их разговор. – Ну да. Взять хотя бы существование квазикристаллов.

– Простите, а чем квазикристаллы отличаются от обычных кристаллов? – невинно спросила я и шумно потянула коктейль через трубочку, привлекая внимание.

– Кх, кх, кх, – закашлялся учёный и смерил меня оценивающим взглядом. Получив отпор моих уверенно устремлённых на него глаз, очень серьёзных и спокойно ожидавших ответ, он сделался весьма учтивым и даже слегка улыбнулся. – Их миры схожи, и между ними можно провести мосты, но в то же время они разные. Например, наночастицы, не обладая трансляционной периодичностью, могут обладать любой симметрией. Таким образом, наночастица...

– Своего рода зародыш кристалла, – вставил второй собеседник.

– Да! На самом деле может иметь запрещённую симметрию.

– И очень часто имеет, – опять не удержался другой, пытавшийся понравиться мне, всем своим телом выдавая себя с головой.

Я легко считывала все послы и вибрации тела человека во время общения.

– Запрещённые симметрии – это те, которые пока не изучены? – слегка улыбнулась я и наклонила голову.

– Можно и так сказать, – продолжил учёный. – Такой симметрией обладают углеродные наночастицы – фуллерены. А квазикристалл можно представить как наночастицу-переросток.

– Понятно, – кивнула я, хотя уже чувствовала перебор информации и потребность всё переосмыслить и сложить в логическую цепочку.

– Другой мост между кристаллами и квазикристаллами – элемент бор, у которого все известные модификации содержат икосаэдрические кластеры с запрещённой симметрией. Этим обусловлены экзотические свойства квазикристаллов – их неожиданная для металлов высокая твёрдость, хрупкость, низкая теплопроводность, а по особенностям электропроводности они во многом напоминают полупроводники...

Я оторвалась от беседы и оглянулась на Патрика. Учёные продолжили делиться знаниями и гипотезами. А мне пора было уходить.

– Сегодня у меня перебор с информацией, – засмеялась я, поднимая брови.

– Понятно, – улыбнулся Патрик в ответ.

– Я думаю, что вопросы у меня остались, и их будет ещё много. Механизм запущен, я вынашиваю одну идею и постоянно о ней думаю. И я бы хотела поделиться ею с кем-то, но пока не готова. Ещё не уверена, что это не бред. Хотя, конечно же, в какой-то степени бред и полная нелепость.

– Практически каждая гениальная идея изначально кажется бредовой и нелепой. Лишь вера гения учёного, что она имеет место быть, помогает ей выйти наружу и стать научным открытием.

– Вероятно, это так... А вот вспомнила, что ещё мне неясно и хотелось бы сегодня понять. Про порядок. Как это устроено? Удивительно, что я люблю порядок. А здесь есть запрещённый. Я про квазикристаллы. И тоже мне нравится. Запретный плод сладок.

– Хе-хе, да... Ближний и дальний порядок – это упорядоченность в расположении структурных частиц вещества...

– Атомов, молекул, ионов...

– Да. Упорядоченность на расстояниях, сравнимых с межатомными, называется ближним порядком, а упорядоченность, повторяющаяся на неограниченно больших расстояниях, – дальним порядком. Например, в идеальном газе нет никакой закономерности во взаимном расположении атомов, то есть нет ни ближнего, ни дальнего порядков. В жидкостях существует только ближний порядок, но на больших расстояниях он размывается и переходит в беспорядок. А вот в кристаллах правильное чередование атомов на одних и тех же расстояниях друг от друга повторяется для сколь угодно отдалённых атомов.

– Ясно, значит, основным признаком дальнего порядка является симметрия кристаллов. Соответственно, в квазикристаллах эта симметрия нарушается, но в то же время порядок остаётся. Поэтому запрещённая симметрия?

– Да, это так.

– Как с тобой всё легко и просто! Удивительно. Оставь мне, пожалуйста, свой телефон или другой контакт для связи. Если ты непротив, я бы звонила и уточняла неясные вопросы, как только они у меня сформулируются.

– Да, конечно, – Патрик протянул магнит со своим автографом и телефоном.

– Прилеплю на холодильник, – засмеялась я.

– Для этого и задумано, – широко улыбнулся Патрик.

– А, вот вы где! – к нам навстречу почти летел Франкл. – Я прошу прощения, что так надолго вас оставил. Теперь я с вами.

– Это прекрасно. Однако я уже собираюсь уходить.

– О, Евочка! Побудь со мной ещё немного. Кстати, меня пригласили в Женеву на Большой адронный коллайдер. У них одна из учёных ушла в отпуск на несколько лет, и среди остального персонала не нашлось никого, кто мог бы выполнять её функции. А я как раз специализируюсь в этой области. Так что я, скорее всего, соглашусь. Даже и не мечтал поработать на БАКе. Да, вот это чудо! – Франкл был очень возбуждён от переполнявших его эмоций.

– Потрясающе! Я тебя поздравляю. Значит, мы с тобой будем там чаще встречаться. Ева, ты хотела бы посетить Большой адронный коллайдер?

– Конечно! Это же попасть в сам организм, вовнутрь тела.

– Вот торопыги! Подождите пока! Я ещё не дал своего согласия. Может, я не захочу там работать. А вы уже распланировали, – Броуз явно кокетничал, стараясь говорить с напускной строгостью.

Мы с Патриком только рассмеялись. Как же, не захочет! У Франкла был вид мальчишки, получившего в подарок заветную игрушку.

– Вот только не надо строить из себя. Ещё как захочешь.

– Да! – сдался он. – Я ведь даже и мечтать не мог об этом. А здесь, на два года! И кто знает, возможно, этот срок продлится, – Франкл улыбался и выглядел очень счастливым. – Ты прав, Патрик, я не могу поверить, что это со мной произошло! Как будто это для меня много, и я не могу принять.

– Это поначалу так, а потом привыкнешь и примешь как подарок тебе от Высшей силы за труды твои и старания, – я ободряюще погладила его по плечу. – Ребята, я всё же с вами прощаюсь. Жду от вас приглашения на Большой адронный коллайдер.

– Конечно, жаль, что ты уходишь, я и не поговорил с тобой, как следует давним друзьям. Надеюсь, Патрик был красноречив, и ты не скучала.

– О, да! Мне было очень интересно.

– Позволь, я тебя провожу, – произнёс Патрик, густо покраснев при этом.

– А, хорошо, – я немного смутилась и оттого замешкалась с ответом.

Он попрощался с Франклом, и мы вышли в прохладные осенние сумерки. Повсюду лежала опавшая листва. Вечер замер в безветренном безмятежьи. Лишь тихий шорох листьев под ногами напоминал о существовании материального мира. Я как будто оторвалась от реальности и переместилась в другой мир, непонятный в обыденном смысле, простирающийся за границами знаний человека. Что-то неуловимой нитью тянулось там, и я всей душой и даже кожей ощущала присутствие чего-то иного, неподвластного логике и разуму и поэтому недоступного для описания словами. Если провести аналогию с темой конференции, то это нечто из области квантовой гравитации. Настолько близкое к Богу, что невысказуемо вообще. И как бы я ни убеждала себя, что в данном случае мозг надо отключать и не пытаться объяснить логически, что здесь можно только чувствовать, ощущать, я всё же стремилась осознать это. Я понимала и верила, что это осознание будет чем-то новым, тем, что до сих пор не было открыто человеку. Мы шли молча, шурша листвой, и никто не пытался прервать тишину.

– Это вам.

Незнакомая девушка протянула нам что-то, и я машинально взяла. Как будто листовка рекламы. Я потрогала и нащупала открытку. Повернулась к девушке, а она уже собралась уходить.

– Боже, какая красота! – воскликнула я, разглядев красивый рисунок.

– Это ручная работа, – ответила девушка, сделав легкий книксен.

– Спасибо большое, – улыбнулась я.

Мы двинулись дальше, а я пыталась разглядеть, что написано на открытке. Прочитав, я воскликнула с удивлением и восторгом.

– Ты посмотри, что написано! «Истинные цели, истинное предназначение и своя, настоящая дорога открыли, распахнули все двери. Люблю и любима. Любви, добра и процветания».

– Да, очень красивые слова. Я бы сказал, пророческие. Ангел спустился и отдал тебе открытку.

– Не мне, а нам. Ты же со мной сейчас.

– Мне кажется, открытка предназначалась тебе.

Я опять погрузилась в тишину. Не зря говорят, что Бога можно услышать только в тишине. Вот я его и услышала. Или он меня. И передал открытку в знак подтверждения правильности моего Пути, одобрения и довольства мной. Моя вера в Бога крепла по мере того, как я всё глубже погружалась в науку, постоянно натываясь на непонятные и необъяснимые вещи. Я изучила множество религий, от христианства до буддизма. Пусть у меня не было доказательств, видимых и буквальных, и не было научно доказанных фактов, но я замечала небуквальные подтверждения существования высшей силы и Бога, и что он не рождает и сам не рождён, и что это невероятная энергия, существующая в мире, которая постоянно наблюдает и контролирует земной процесс. А помощники Бога, ангелы, помогают всем людям с благочестивыми намерениями. И это факт! Чем более чист человек в своих помыслах, внутренне расслаблен и свободен, тем большего он достигает, и ему помогают высшие силы в Пути. Это я проверила на своём опыте.

– Ты веришь в Бога? – спросила я у Патрика. – Я верю.

– Что за вопрос? Верю ли я? Верю. В единственного создателя всего. Без веры невозможно жить. А ты как пришла к Богу?

– О, я долго шла и выбирала. Изучала разные религии. Увлекалась эзотерикой. Но мне нужно было что-то определённое, конкретное. Стала ходить на собрания для верующих. Какое-то время мне там было хорошо. Но вскоре я поняла, что люди, хоть и верят в Бога, всё равно грешат, совершают плохие поступки. Мне стало казаться, что у некоторых вера неосознанная, больше показная, просто как социальная норма, правило. И я перестала ходить на эти собрания. Верю сама по себе и всё, стараюсь жить по совести, совершать добрые дела.

– Да, неопределённость всегда пугает, это я тоже понял. Поэтому человек стремится попасть в систему. С рождения, – школа, институт, работа, – человек всегда в системе. А вне системы ему плохо. Как бы он ни стремился к свободе – это обманчивое стремление. Свобода подразумевает жизнь в неопределённости.

– О да, это точно! У меня был период, когда я оставила надоевшую работу, хоть и рисковала в течение месяца оказаться на улице без средств к существованию. И в это время я начала погружаться в веру в Бога и полностью отдалась под его влияние. У меня был тяжёлый период. Я боролась с собой. Мне так хотелось вернуться в зону комфорта, к привычной жизни, к работе, хоть и неинтересной. Лишь бы быть в более или менее безопасной определённости.

– Так живёт большинство людей на Земле. Хоть и не в самых комфортных условиях, но для многих главное – иметь чувство определённости будущего, хоть немного. Бродяги, отшельники, именно они приближены к свободе и научились жить в неопределённости.

– Радуются жизни в реальном мире здесь и сейчас. Ничего не планируют. Конечно, у них есть мечты и надежды, и они идут к ним своим Путём. Они знают свою миссию и находятся на самом высоком уровне развития, каким бы странным это ни казалось.

– Я согласен с тобой. Ты права. И всё же, как у тебя получилось прийти к свободе? К истинной свободе?

– Ну, это было тяжёлое время моего духовного роста, которое проходило через кризис. Я верила в помощь Высшего Разума. И лишь благодаря этому у меня получилось. Я много молилась и медитировала. И в какой-то момент достигла критической точки. Нужно было отказаться от всего, остаться в невесомости, чтобы обрести свободу и безмятежность. Лишь вера в безусловную и бескорыстную любовь Бога мне помогла. А поскольку я всегда считала, что Высшая сила и разум есть и внутри меня, и повсюду, всё вернулось к моей Божественной сути и вере в неё.

– Но ведь одними молитвами и медитациями сыт не будешь. Мы живём в материальном мире, и человек зависим либо от работы, которая даёт средства к существованию, либо от других людей, которые его кормят и помогают. Или приходится жить подобно бродяге, в лесу, под кустом. Сложно совместить и найти баланс.

Мы долго не могли расстаться, просто брели наугад по тихим осенним улицам, не замечая ничего вокруг, и говорили, говорили... Это был Знак. Я на верном пути, и Бог послал мне в помощь единомышленника, союзника и верного друга.

Глава 3

Адронный коллайдер

Так началось моё знакомство с Патриком, которое перетекло в дружбу, а позже в семейную жизнь.

Как-то он позвонил мне и спросил:

– Помнишь, мы разговаривали об экскурсии на БАК?

– Что это? – не сразу сообразив, спросила я.

– Большой адронный коллайдер.

Я чувствовала его улыбку на другом конце провода.

– Ах, да, конечно! Как я могла забыть, ведь я ждала! – обрадовалась я.

– Я получил приглашение для тебя. Твой адрес не смогли найти, и поэтому приглашение отправили мне и попросили передать тебе.

– Ура! – подпрыгнула я от счастья. – Когда? Это надо ехать в Женеву?

– Нас ждут в конце недели, так что у нас два дня на сборы и чтобы добраться до места.

– Хорошо! Буду собираться.

– Я закажу билеты. Как ты смотришь на то, чтобы прокатиться поездом? Я уже посмотрел, он в пути двадцать часов.

– Ты читаешь мои мысли! Давно не путешествовала на поезде, и с удовольствием прокачусь!

– Прекрасно, что наши желания и потребности совпадают. Я, как закажу билеты, сообщу тебе.

– Идёт! Договорились.

Я с радостным ощущением и предчувствием приятного неожиданного неизвестного приключения стала танцевать и кружиться. Меня накрывала волна счастья. Я остановилась возле зеркала и посмотрела в глаза. Там отражалось море любви и веры.

Как только собралась группа из десяти человек, таких же, как и мы, экскурсантов, мы зашли на территорию БАКа. Нас встретил профессор, пожилой мужчина с бородой и седыми волосами, и сразу же приступил к рассказу.

– Большой адронный коллайдер – ускоритель заряженных частиц, который предназначен для разгона протонов и тяжёлых ионов, материи и антиматерии и изучения продуктов их столкновения. Имитация Большого взрыва в момент создания вселенной. Коллайдер построен в европейском научном центре ядерных исследований, недалеко от Женевы. В то время БАК являлся самой большой экспериментальной установкой на Земле. Длина основного кольца ускорителя составляет 26 659 метров. Пучки частиц, состоящие из кварков, ускоряются в противоположных направлениях и сталкиваются в специальных точках, выделяя при этом большой объём энергии. Это позволит доказать также существование суперсимметрии, теорию струн и, соответственно, наличие уж куда более четырёх измерений. Глубина залегания туннеля коллайдера под землёй от 50 до 175 метров, причём кольцо туннеля наклонено примерно на 1,4 % к поверхности земли. Для удержания, фокусировки и коррекции протонных пучков используется 1624 сверхпроводящих магнита, общая длина которых превышает 22 километра. Магниты работают при температуре -271°C .

Мы спустились в туннель и попали в холодное помещение, показавшееся сперва тёмным. Но по мере нашего продвижения пространство освещалось на ближайšie сто метров. Здесь располагалась другая труба-туннель, вдоль которой мы медленно передвигались. И казалось, что внутри трубы происходит невероятно чудесный процесс. Всю группу охватило какое-то благоговейное чувство и в то же время смятение. Каждый боялся пошевелиться и даже

дышать громко. Поэтому царил невероятная тишина, нарушаемая лишь спокойным размеренным голосом профессора. И непонятно было, то ли в рай, то ли в ад мы спустились. Что-то немислимое витало в пространстве и наполняло нас жутким страхом и ощущением чуда.

– Скорость частиц в БАКе на встречных пучках близка к скорости света в вакууме. Разгон частиц до таких больших энергий достигается в несколько этапов. Сначала идёт подготовка в низкоэнергетических ускорителях, потом частицы попадают в бустер, далее в протонный синхротрон, приобретая энергию в 28 ГэВ. При этой энергии они уже движутся со скоростью, близкой к световой. После этого ускорение продолжается, достигая 450 ГэВ. Затем ступок протонов направляют в главное 26,7-километровое кольцо, доводя энергию протонов до максимальных 7 ТэВ, и в точках столкновения детекторы фиксируют происходящие события. Масса всех частиц не превышает нанограмма и их даже нельзя увидеть невооружённым глазом. Они проходят полный круг ускорителя быстрее чем за 0,0001 секунды, таким образом, совершая свыше 10000 оборотов в секунду.

Экскурсия произвела на меня, на нас, неизгладимое впечатление. Это было моё первое приближение к мощным энергетическим потокам. С того момента я ни на миг не оставалась одна. Даже когда рядом со мной никого не было, я чувствовала их присутствие... Необъяснимой силы, мощной энергии, идущей параллельно, в другом возможном пространстве-времени, не видимой только из-за своей скорости и массы.

Мы шли с Патриком, потрясённые непонятным ощущением чего-то сверхъестественного. Конечно, учёные, работающие на БАКе, не обязательно испытывают подобные ощущения. Просто мы с Патриком верили в высшую силу и Божественный порядок вещей. Религия и наука всегда спорили и зачастую не находили общих точек соприкосновения. Мы же верили в высшую силу и энергию. Чувствовали существование рядом чего-то ещё. Ощущали это всеми клеточками тела.

После посещения Большого адронного коллайдера перед нами распахнулись все двери, стали ясны истинные цели, истинное предназначение и своя настоящая дорога. Мы с Патриком стали жить вместе, усыновлять детей разных национальностей, из разных уголков мира. За сорок лет мы воспитали 12 детей. Объехали все континенты на Земле, много путешествовали и жили очень счастливо. Продвинутая медицина и здоровый образ жизни, молитвы, пост способствовали снижению темпов старения и увеличению продолжительности жизни. Даже в почтенном возрасте, когда мне исполнилось восемьдесят лет, я чувствовала себя бодрой и энергичной, словно мне было пятьдесят. Патрик чувствовал себя так же. И впереди у нас были ещё долгие счастливые годы жизни. Подготовка к переходу в мир иной после смерти. Очень некомфортно было находиться в неопределённости, что же там после смерти? В существованиерая и ада я на тот момент не очень-то верила и хотела проверить, не миф ли это. Патрик верил, но для меня этого было мало. Мне необходимо было самой почувствовать и осознать. Но как? Мы с друзьями часто устраивали мозговой штурм на разные темы, которые хотя бы отдалённо касались волнующих меня вопросов.

– Как ты объяснишь наличие симметрии ряда законов, проявляющих себя в разных мирах Вселенной, несмотря на глубокую разницу в сущности сфер и самих систем? Симметрия свойств материи, систем и происходящих в ней взаимодействий при изменении каких-то её параметров связана с законом сохранения. В физике есть теорема, что каждой из них сопутствует некая сохраняющая величина.

– Все законы природы идентичны.

– Верно! Из этого следует, что в духовно-нематериальном мире тоже должны соблюдаться определённые законы сохранения. Есть ещё одна закономерность – тенденция объектов и систем к сохранению формы и структуры, по существу очень близкая к тенденции сохранения массы.

– Мы говорим о форме и структуре как о нематериальных характеристиках, описывающих соотношение частей и целого, соотношение частей целого друг с другом и другие взаимодействия внутри системы.

И наконец-то мы утвердились в мысли о необходимости экспериментального доказательства существования души, её сохранения и кодировки, если можно так выразиться, после смерти тела, чтобы отследить её движение с использованием адронного коллайдера. Мы занялись поиском места для строительства миниколлайдера по подобию БАКа. Мы решили, что он должен быть построен рядом со священными местами, и в то же время местность должна соответствовать техническим требованиям. Однозначно выбрали пустыню в Ираке. Переехали всей семьёй, вместе с детьми, жившими с нами на тот момент. Ирак встретил нас тёплым субтропическим климатом. К этому времени страна стала высокоразвитой за счёт богатых месторождений нефти и грамотного использования ресурсов. Ну и, конечно же, благодаря религиозным лидерам и стопроцентной вере. И хотя вера у большинства была слепа, тем не менее, она давала некую стабильность и богобоязненность, что способствовало развитию экономики и культуры. Нам удалось купить небольшой участок пустыни, необходимый для построения дома, института и адронного коллайдера. Сначала построили дом, потом институт, и завершили строительством коллайдера. На всё это ушло пять лет. Мы никуда не торопились. Параллельно я вела исследования в области духовного осознания. Ставила перед собой вопросы.

– Что такое Бог? Есть ли душа? Есть ли жизнь после смерти? Иногда обсуждала их с Патриком. Но и он не знал ответов.

– Кто такой Бог, я не знаю. Вернее, это немислимо и невозможно описать словами. Ни одно определение не подходит.

– Он создатель всего. Всей вселенной. И он везде и повсюду.

– Это невероятно. Нет слов от осознания масштаба его влияния. – Душа есть точно, я это чувствую. И мне кажется, что Бог и душа едины. В этом есть что-то общее.

– Говорят, что душа – это частичка Бога. И кто познал свою душу, тот познал Бога. А рай и ад существуют. Почитай в священных книгах.

– Я читала, но хоть это и священная книга, я не смогу просто взять на веру, пока сама не пойму.

– Вот вспомни, как ты почувствовала, что Бог есть? Ты это поняла логикой или сердцем?

– Сердцем, конечно. Логикой к вере прийти не могла. Как-то почувствовала.

– Вот именно. К этому нельзя прийти разумом, вернее, не найдёшь логических доводов и доказательств существования как Бога, так и ада, ирая.

– Это знание идёт изнутри, я понимаю. Но ко мне почему-то пока не пришло.

– А ты просто поверь и всё. И не ломай голову в поиске истины. Не найдёшь, бесполезно.

– Сложно это. Я не смогу.

– Сможешь! Смогла ведь поверить в Бога. Многие люди, даже будучи атеистами, приходят к вере через сердце.

Так я пыталась почувствовать свою связь с Богом, свою душу и вселенский масштаб. Много медитировала, молилась и прислушивалась к внутреннему голосу.

Как только завершилось строительство и наладка адронного коллайдера, началась активная жизнь. Множество экспериментов, ошибок, провалов. Жизнь кипела. Я была подготовлена и Патрик тоже. Мы много времени до этого провели во внутреннем осознании себя и в ментальных потоках. Научились отслеживать потоки энергии, протекающие через нас, когда мы радуемся, спорим, занимаемся любовью, ругаемся, просто сидим в тишине или спим. Мы даже научились видеть одинаковые сны. Да! Накануне загадывали тему и утром делились сновидениями. Эту уникальную способность мы открыли случайно. Выяснилось, что у нас несколько раз совпадали сны после обсуждения какой-нибудь темы. Мы вместе видели одни и те же сны, и они были осознанные! Патрик параллельно занимался общественной деятельностью и много

общался с людьми. Меня всегда удивляла его способность целыми днями разговаривать, чего я никогда не умела. Я всегда больше любила тишину и уединение. Наверное, поэтому мы были вместе, чтобы компенсировать недостатки друг друга.

О, адронный коллайдер! Это чудо из чудес. Мощный поток энергии... Как-то я вдруг испугалась, что гневлю Бога. Мне показалось, что ускоритель не приближает меня к нему, а наоборот, уводит от Божественной сути. Поэтому я на время остановила работы и прислушалась к себе и к своей жизни без экспериментов на коллайдере. Я обошла его вокруг сто раз. Диаметр нашего коллайдера тысяча метров, так что я прошла вдоль него больше трехсот километров. Я должна была почувствовать связь с Высшей силой и получить разрешение от Бога на проведение экспериментов с ускорителем частиц. Я не знала и до сих пор не знаю, кто такой Бог или что это такое. По одной из версий это энергия. Но многими это знание отрицается. Бог – всё и ничего, его не объяснить словами и невозможно представить. Единственное, его можно почувствовать, ощутить. И наконец-то я ощутила его позволение на работу с коллайдером. Ведь мы использовали энергию, время, человеческие души и провоцировали переход в другое пространство, на новую глубину. В общем, Бог мне разрешил. Нам разрешил. И стал нашим соучастником.

Сколько нам пришлось сломить давления и сопротивляться внешнему миру! И это помогло. Наше сопротивление и следование зову сердца. Нам не разрешали стоять коллайдер, не продавали землю, потом заломили невероятно высокую цену. Благо, что деньги были в достатке и не являлись для нас проблемой. И вот, наше сопротивление давлению помогло купить землю. Построить на ней коллайдер, институт и дом. Сопротивление. Даже лампочка дарит свет, благодаря ему. Сопротивление и терпение – это самые главные сопровождающие качества, чтобы добиться целей.

Я отрываюсь от воспоминаний. Надо прогуляться до адронного коллайдера. Я встаю со скамеечки, которой послужил пенёк, и направляюсь вдоль парка, дома, института к размытому миру. Он поднимается маревом над коллайдером сразу за лесом и парком. Мираж, который виден только мне и избранным людям. Нас очень мало. Разбросаны по всей земле. Мираж создаёт видимость другого пространства-времени. Лучи солнца, проходящие сквозь облака, преломляются, создавая заборчик, и искривляются. Издали это похоже на огромную линзу и отражение в ней. Небольшой мраморный домик с железной дверью – единственное, что находится на поверхности, сам же коллайдер глубоко под землёй. Как бы мы ни старались скрыть наше присутствие в этом мире и в пространстве, мы оказались под присмотром с воздуха. Нас контролировали политические и религиозные силы. Слава Богу, что они не часто вторгались в нашу Эко-систему, так ласково называл наш дом, институт и коллайдер Патрик. Сейчас я хочу получить разрешение на воссоединение с ним, с Богом. Хотя это и необязательно. Я и так знаю, что это его идея. Выйдя из парка на открытую поляну, я поднимаю голову и в голубом небе вижу спутник, мерцающий красным огоньком. В ответ, поймав мой взгляд, он направляет ко мне свой красный луч, который проходит сквозь тело. Следят, контролируют. Ничего, внутри они меня не достают. Там я и мой эксперимент под надёжной защитой земли и стальных труб.

– Добрый день! – звучит в моём мозгу посыл со спутника.

– Добрый день, добрый день всем! – мысленно отвечаю я.

Я подхожу к мраморному домику, который отликает на солнце всеми цветами радуги, создавая эффект северного сияния, и, стоя лицом к чёрной двери, которая жутко смотрится на фоне великолепия и блеска всего дома, подношу ладонь к месту, где встроена скрытая дверь. Делаю три круговых движения, как будто мажу ладошкой дверь. Замок реагирует на личный закодированный импульс и тепло моей руки, раздаётся щелчок, и дверь открывается. Тут же загорается свет и включается автоматическая лестница-эскалатор, ведущая вниз. Находиться глубоко под Землёй вредно для живых людей. Здесь высокое давление и особая энергетика.

Воздух спёртый и тяжёлый. Я спускаюсь под Землю третий раз в жизни. Первый был, когда я познакомилась с установкой БАК в Женеве. Второй раз, когда мы построили свой коллайдер и запустили его в работу. И вот сейчас, в конце своей земной жизни. По мере спуска становятся слышнее звуки ускорителя, и усиливается чувство, что вот-вот всё взорвётся и рухнет. С такой же мощной силой поток энергии вырывается на поверхность, образуя извержение вулкана или, как у нас, искусственно созданный взрыв.

– В момент умирания живого организма этот взрыв даёт новый заряд и новую жизнь, – Патрик любил тему продления жизни в момент умирания. – Мы несколько раз видели, как ведёт себя организм, возвращённый к жизни искусственным путём. Вспомни собаку, нашего Датса, со смертью которого ты не могла смириться, мы использовали его в эксперименте и возродили.

– Я всегда была против возрождения.

– Я знаю, это против природы. Но сама подумай, сколько людей мы могли бы осчастливить, давая новую жизнь погибшим родственникам и любимым.

– Это счастье ограничено во времени и имеет серьёзные последствия. Ты же не знаешь, как это скажется на жизни после смерти. А я уверена, что...

– Свойства природы фундаментальны и повторяются... – передразнил меня Патрик. – Знаю, знаю, можешь не продолжать. Я согласен с тобой полностью. Но иногда что-то меня держит в этом земном теле.

– Держит незнание того, что будет после смерти. Неопределённость. Страх.

– Почему же? Я, например, знаю, и надеюсь, что после смерти моего земного тела душа попадёт в рай. Я не грешил и жил по совести.

– Тогда тебе нечего бояться. Обычно, когда человек уверен в жизни после смерти, он не боится и даже стремится стать шахидом и принять мученическую смерть за правое дело.

– Хорошо, опять ты меня поймала на слове. Да, я не на сто процентов в этом уверен, думаю, как и ты...

– Да и я не уверена, и не знаю точно, что там за пределами земной жизни.

– Если бы мы были уверены или даже если бы были какие-то подтверждённые опыты и доказанные данные, тогда мы не стремились бы к новым знаниям и не было бы ничего из того, что мы тут с тобой создали и теперь реализуем.

– Ох, и зачем мы вспомнили про Датса... Я так переживала, когда он умер. А когда мы чудом его воскресили, помнишь, какой шок я пережила? – я покачала головой.

Я вспоминаю этот разговор и историю с воскрешением, когда мы твёрдо решили всё же не менять суть природы, тем более, что нам сразу удалось найти баланс в энергетическом потоке и настроить ускоритель. Но мы знали, что это возможно, и если бы этим воспользовались злоумышленники, то изменили бы течение времени и жизни. Нам удалось сохранить эти эксперименты в тайне, объективно оправдав их реализацию незнанием нужного объёма и баланса энергии.

В те дни, когда умер Датс, Илаф, одна из наших младших, мы удочерили её в Саудовской Аравии, ходила вся в слезах и горько переживала смерть любимого пса. Под влиянием этих эмоций и состоялся наш первый эксперимент над живым существом. Никто всерьёз не думал, что у нас получится его оживить, но всё же решили попробовать.

– Поверни рычаг! – перекрикивая шум, доносящийся из открытых клапанов коллайдера, и закрывая крышку капсулы, в которую поместили Датса, орал Патрик.

– Ой, Господи! – помолилась я и надавила на рычаг, соединяя капсулу и внутренний ускоритель, где сформированный пучок энергии уже несся по тоннелю наружу, к основной экспериментальной установке, где находился объект.

Поток сжатой энергии ворвался в капсулу, и она заполнилась густым дымом. На мгновение Датс исчез в тумане.

– Мама, папа, а где он? Я его не вижу! – после долгих рыданий Илаф удалось уговорить отца присутствовать на эксперименте с любимой собакой. Она перекрикивала шум установки и тщетно вглядывалась внутрь капсулы.

– Кажется, я вижу его очертания, – я попыталась успокоить дочь, хотя на самом деле не была уверена в этом. Просто теоретически он не мог куда испариться.

Через минуту новый пучок энергии достиг капсулы, она на мгновение стала прозрачной и снова помутнела. Но и в эти мгновения присутствие Датса не обнаружилось.

– Не может быть! – воскликнул Патрик. – Кажется, мы создали внутри капсулы другую зону. – Мы не видим физический объект. Это невероятно! Отключай установку. Этого достаточно.

– Отключаю, – я уверенным жестом нажала на кнопку выключателя и убедительно резюмировала, – вероятно, что-то произошло с массой тела или пучок энергии сместил пространство.

– Но это впервые и необъяснимо наукой... Хотя я могу предположить и найти доказательства.

– Ой, смотрите, он возвращается! – выдохнула Илаф с облегчением.

В капсуле наметились контуры собаки, и когда установка стала остывать, а её стенки вновь приобретать прозрачность, Датс проявлялся всё отчётливее. Мы стояли и ждали, когда капсула примет начальную температуру и объём энергии. Примерно через пятнадцать минут все сомнения рассеялись, собака была внутри. И тут произошло неожиданное. Датс дёрнул лапой. Потом ещё раз и ещё.

– Он ожил, он ожил! – радостно закричала Илаф. – О, мамочка, папочка! Как я вас люблю! Какие вы молодцы, что вернули мне моего Датса!

– Сначала надо проверить состояние его здоровья, – предусмотрительно сказал Патрик. – вдруг он впал в бешенство от пережитого, или ещё что-нибудь.

– Нет-нет, я знаю, он хороший! – настаивала Илаф.

– Пока мы не возьмём его кровь и не проверим, ты к нему не прикоснёшься, – строго поддержала мужа я и тут же улыбнулась, чтобы смягчить тон, и потрепала Илаф по щеке.

– Ладно, хорошо.

Нажав на кнопки установки, расположенной рядом с капсулой, я запустила программу сканирования крови, сердца, систем в организме Датса. Сработали механизмы и множество устройств, видимых и невидимых, которые стали изучать тело Датса. А он в это время подёргивался и, кажется, спал, блаженно вытянув лапы. И даже улыбался во сне. Мы с Патриком и Илаф, затаив дыхание, смотрели на пса. Через пару минут на мониторе высветился ряд показателей физического состояния организма.

– Давление в норме, пульс в норме. Химические показатели крови сбалансированы, – сообщил робот.

– Отлично, – потёр руки Патрик. – То, что врачи не могут себе позволить с живым человеком, стало возможным в нашем эксперименте по оживлению. Они ж не доверяют роботу самостоятельные действия после диагностики. Обязательно сами смотрят анализы и потом выдают назначения.

– Человеческий фактор. Что ж, возможно, они правы. Если роботы будут принимать решения за человека в области его здоровья... Мало кто доверит свою жизнь роботу.

– Лично я доверил бы.

– И я бы тоже, – вставила Илаф, притихшая на время.

– А ты ещё здесь? – улыбнулся Патрик.

Илаф улыбнулась в ответ, демонстративно выкинув руку раскрытой ладонью вверх в сторону Датса. Мол, вот причина того, что меня задержало с вами.

– Через две минуты объект проснётся, и установка выключится. Приготовьтесь, – сообщил робот.

– Мы готовы! – радостно крикнула Илаф и подняла руку вверх в салюте.

Выключились лампочки, ослабли механизмы затворов капсулы, и крышка поползла вверх и в сторону от стола, где спал Датс. Он пошевелился, дёрнулся. Дёрнулся ещё раз. Потянулся. Зевнул. И приподнял голову. Прямо как человек. С небольшим усилием перевернулся с боку на живот. Потом поднялся и сел на задние лапы. Спрыгнуть со стола не решился. Видимо, чувствовал себя слабо или неуверенно. Можно было только догадываться. Он смотрел вокруг, как будто изучая пространство.

– У меня чувство, что он до сих пор во сне и не понимает, что с ним и где он, – тихо сказала я.

Датс отреагировал на звук. Поднял уши и стал смотреть на меня.

– Кстати, мы не можем быть уверены в безопасности, – предположил Патрик. – В здоровом псе можно более или менее быть уверенным, а здесь особый случай. Так что не теряйте бдительности и соблюдайте осторожность.

Я подключилась к системе прогнозирования и подгрузила данные обследования. Чего можно ожидать в результате?

– О! И я хотел это сделать. Ты, как всегда, прочитала мои посылы и опередила меня, – улыбнулся Патрик.

– Уже можно его погладить и взять гулять? – спросила Илаф.

– Кажется, он ещё не совсем проснулся, и я хотела бы знать, чего он хочет, и уровень безопасности, – машинально ответила я, изучая данные в компьютере.

Илаф неотрывно смотрела на Датса и пыталась его загипнотизировать. Она где-то читала, что можно посылать мысленные импульсы, и объект, на который направляется этот поток, будет чувствовать его и реагировать. Я поморщилась и посмотрела на Илаф, потом на Датса.

– Дорогая моя, – обратилась я к дочери, – к сожалению, твой любимый пёс и член нашей семьи будет с нами только семь дней.

– Почему это «к сожалению»? – возмутился Патрик. – Многие люди мечтают хотя бы на час продлить жизнь близкого человека.

– Это и хорошо и плохо одновременно, – прервала начавшийся спор Илаф.

– Да, так что давайте постараемся наслаждаться настоящим, тем, что есть, и радоваться реальному миру, – обрадовалась я поддержке дочери. – По поводу безопасности нет чётких данных. Они какие-то размытые и непонятные.

В это время Датс усиленно чесал лапу или лизал её в местах инъекций и взятия крови.

– Меня больше волнует процесс обмена энергией, который мы инициировали. Изначально это было интуитивное решение, и удивительным образом оно нашло подтверждение на практике.

– Не забывай, что наша интуиция дошла до такого уровня, что ты и я смогли прислушаться к ней. То есть мы развивались в науке, в религии и эмоционально.

– Ещё осталось добавить физическое развитие, и будет полный комплект. Все сферы личности удовлетворены. Или, как говорят психологи, табуретка на четырёх ногах и не хромает.

– Обсудим позже, – прервала я.

Датс, немного подумав, и, видимо, окончательно придя в себя, спрыгнул со стола и угодил прямо в объятия Илаф. Я протянула руку и прикоснулась к его голове. Немного неуверенно. Дочь же принялась его тискать и прижимать к себе. Всё же было что-то неестественное в его поведении, трудно уловимое и неопишное.

– Система показала, что он проживёт ещё семь дней, – напомнила я дочери. – Пожалуйста, не забывай и будь готова. И будь осторожна.

– Хорошо, мамуля, – Илаф с Датсом уже были в дверях на выходе.

– Итак, мы сделали открытие, – сдерживая улыбку и восторг, произнёс Патрик.

– Осталось доказать это, – поддержала его я. – Подтвердить, что это не случайность, а устойчивый результат определённых действий в определённых условиях. Также я думаю, и мне кажется, что это ещё не всё, и мне больше интересно другое.

– Да, я в курсе. Ты любишь обесценивать достижения. Мы же оживили мёртвое тело!

– Не факт, что мы первые. Есть много данных и снимков оживления людей.

– Именно, когда диагностирована смерть.

– Вообще, как ты знаешь, чтобы установить смерть, необходимо иметь более трёхсот признаков, если я не ошибаюсь. Очень часто, особенно в прошлые столетия, люди, диагностировав смерть по нескольким признакам, заживо хоронили своих собратьев. А потом, если вскрывали могилу, обнаруживали, что труп находится в другом положении. А всё, что мы видим в сети, может быть просто уловкой видео или монтажом, или ещё каким-нибудь спецэффектом. Все зарабатывают по-своему.

– Да, это я и хотел сказать. В мире много шарлатанов. А у нас эксперимент оживления. Причём, нашим методом, необычным. Никто до нас не ставил таких опытов. Совместить энергию ускорителя частиц и энергию умершего организма. Мы поймали душу в момент, когда она покидает тело.

– Да, хорошо сказано. Поймать душу. Удивительно...

Я привела экспериментальную установку в состояние покоя. Коллайдер продолжал работу. Он никогда не останавливался с момента его запуска. В тот день это был первый опыт, положивший начало великому эксперименту, целью которого являлось распознать душу в момент умирания тела, сохранить информацию о ней и проследить её путь. С того времени мы с Патриком провели более тысячи разных экспериментов. Но после Датса, которому мы дали умереть через семь дней, дополнительно отведённых, мы не проводили опыты по возвращению к жизни, с первого раза определив максимум заряда энергии, и не нарушали границы. Это против природы. А эксперименты по наблюдению за душой стали удаваться лишь в последние годы, спустя более пятидесяти лет от начала опытов. Лишь в последние годы мне и Патрику удалось определить порог давления силы тяготения и массы. Совместить эти данные с новейшими открытиями относительно пространства и времени. Благодаря этому мы поймали точку, где преломление пространства и большой поток энергии входят в определённый баланс, это дало возможность проследить движение души. Оставалась проблема в развитии личности. Как это ни удивительно, но у большинства испытуемых их души не уходили далеко и возвращались обратно в другие земные оболочки. Часть душ проваливалась в тёмную материю.

И я чувствовала, что человек должен обладать каким-то уникальным набором качеств, быть необыкновенным, чтобы его душа продолжила развитие на других уровнях.

На глубине пятисот метров спуск заканчивается, и я ступаю на твёрдую поверхность. Передо мной вдоль туннеля тянется стальная труба – наружная поверхность и защитная оболочка двух внутренних туннелей. Шум не прекращается. Невероятно, что это так работает уже давно. Как и вселенная, живёт по своим законам гравитации и равномерного движения. Я глажу стальную поверхность. Она прохладная и гладкая.

– Спасибо тебе. Ты работал исправно и ни разу не подвёл нас. Хотя мы были вдалеке и всего несколько раз навестили тебя, – хоть и говорят, что у материальных объектов нет разума и души, я люблю разговаривать с предметами и одушевлять их. Вообще, так я веду внутренний диалог с Богом. – Ты слышишь меня, я знаю. И скоро мы сольёмся в одном мире. Я не знаю, что это, но чувствую, что это что-то приятное. И ещё я очень прошу тебя, помоги мне зафиксировать движение моей души. Это для будущего развития цивилизации, ты сам знаешь.

И направляешь меня к этому. И если я разговариваю с тобой из-под земли, это не значит, что я отделилась от Космоса и твоей энергии. Нет. Мне это не страшно. Шаг назад, два вперёд. Это для разгона.

Я прислоняюсь лбом к поверхности ускорителя. Сажусь и молюсь.

– О, мой Бог! Спасибо тебе, что ты есть в моей жизни. Спасибо за день и ночь. За солнце, небо, ветер. За здоровье, счастье, любовь. Спасибо за веру и терпение. Спасибо за людей, которые меня окружают и поддерживают меня. Спасибо за эту жизнь, которой ты меня обрадовал, и за миссию, которую возложил на меня. Это было интересное путешествие.

Глава 4

День

Последние приготовления. Прощание. Прощение. И в новый Путь. Я жду этого с замиранием сердца. Пока я ещё могу ощущать. Видимо, после смерти этого не будет. Ведь ощущения являются смыслом жизни, а не смерти. Душа не может ощущать, как тело. Хотя, возможно, ощущения у души тоже есть, но воспринимаются на другом уровне, неизвестном человеку. Я вообще не могу ощутить свою душу, могу только интуитивно чувствовать её присутствие. Чувствовать сердцем. Просто потому, что души не может не быть, как и Бога и божественных проявлений в жизни. На уровне интуиции, которая, кстати, является сверхчувством человека и далеко не у каждого развита, я ощущаю присутствие Высших сил. Здесь главное – отпустить контроль и довериться внешнему миру. Это очень тяжело. Мы привыкли жить в системе – сначала школа, потом высшее учебное заведение, потом работа, семья. В системе, в которую выгодно погружать человека, выгодно для политиков и тех, кто у власти. Так проще его контролировать. Да и сам человек стремится быть в системе, дабы чувствовать определённую и хотя бы на шаг отдалиться от ощущения бессмысленности жизни во Вселенной. Даже религия, которая призвана развить духовность человека, приблизить его к божественному, не способна вывести человечество на уровень высокого развития. Большинство использует религию как прикрытие, не проникая в её суть. Да и как может человек проникнуть в суть божественного, пока он не проник в суть своего Я. Враг, сатана, шайтан не во внешнем мире, а внутри человека! Проще простого свалить всё на шайтана, который сбивает с пути, и не осознавать свои проблемы. Страшно представить и признать то, что он внутри человека так же, как и Бог. И у меня такое чувство, что эти данности закодированы, защиты в душе на сверхуровне, непонятном и недоступном человеку сегодняшнему.

– Письма всем написала, распечатала и сложила в конверты. Ещё раз проверяю. Никого не забыла, – ментафон отредактировал мои мысли и выдаёт мне запись. – Адронный коллайдер посетила и проверила. Всё работает отлично, без сбоев. Помощника-робота, который там смотрит за всем, напоследок смазала маслом. Неизвестно, сколько будет работать эта система. Мне бы хотелось, чтобы как можно дольше...

– Я бы хотела, чтобы всё работало даже под землёй или в космосе, и чтобы никакие катаклизмы вроде землетрясения, извержения вулкана или затопления не могли повлиять на процесс, – обратилась я как-то к Патрику.

Через полгода мы встретились с программистом института геномной инженерии. Патрик имел уникальную способность знакомиться со всеми, находить нужных людей и, даже не зная языка, устанавливать контакты.

– Дорогая, представляю тебе Джона Нэша.

Сверкая глазами и искрясь от радости, Патрик приближался ко мне с мужчиной около шестидесяти лет. Хотя возраст в последние годы определить было совершенно невозможно. Высокоразвитая косметология творила чудеса и любой человек после сорока, желающий продлить свою молодость, делал это за пару часов лифтинга. А если он ещё и придерживался диеты, здорового образа жизни и воздерживался от вредных привычек и зависимостей, то легко мог прожить до ста пятидесяти лет. Джон Нэш был из таких спортивных и здоровых людей, на которых смотреть одно удовольствие, его подтянутая фигура и молодцеватая походка вызывали восторг.

– Он скрытый гений и очень скромный, – продолжал нахваливать своего нового друга Патрик.

– Да какой я гений?! – прозвучал удивительно низкий и глухой голос Джона. – Я просто люблю своё дело!

– Мне очень приятно познакомиться с Вами, Джон! Патрик по своему обыкновению сделал мне сюрприз, и я совершенно не готова к встрече, – улыбаясь и протягивая Джону руку, промямлила я.

– Я и сам не знал, что встречу здесь Джона, – пытался оправдаться Патрик. – Буду с Вами откровенен! Я узнал Вас по фотографии, которую увидел, когда изучал Ваши работы по программированию информационного поля пространства-времени.

– Ах, вы про это?! – удивился Нэш. – Я написал их, ещё когда учился в университете, и даже не думал, что кто-то заинтересуется. Всё дело в том, что я сам не до конца понимаю, как это работает. Просто сыграло какое-то интуитивное чувство, вот и написал. Доказать это сложно.

– Мы хотим предоставить Вам возможность доказать свои выводы. На мой взгляд, Ваши теории достаточно новые и неординарные, и, честно говоря, я тоже думал об этом.

– И Вы так же думаете? Значит, я всё же в чём-то прав, – радость промелькнула в лице Джона Нэша, которое до того сохраняло несколько удивлённое и обеспокоенное выражение. – Вообще, моя основная работа по управляющей динамике, а программирование информационного поля пространства-времени – второстепенное. Всё же я очень рад, что это вам помогло.

– Ну, пока ещё не совсем помогло, доктор Нэш, – мысленно похвалив Патрика за это знакомство и собрав всю свою эрудицию и обаяние, начала я наступление. – Вы нам очень поможете, если согласитесь с нами сотрудничать. Уверяю Вас, Вы не пожалеете. Позвольте пригласить Вас к нам в институт и познакомить с нашим проектом.

– Я всё же не уверен, что смогу быть вам полезен. Тем более, что я в последние годы забросил эту тему и погрузился, как я уже говорил, в управляющую динамику.

– Не беспокойтесь, дорогой Нэш! – по-матерински и уверенно продолжала я. – Вам понравится наша идея. Да и к тому же, параллельно Вы сможете работать над своей динамикой, а может, у Вас появятся и новые идеи.

– Мммм, – продолжал ломаться Джон Нэш. – Хорошо, уговорили! Но всё равно мне надо посоветоваться с женой.

Он оставил для себя возможность отказаться в случае чего. Но в итоге не отказал, и как только познакомился с нашей идеей, тут же заразился ею и поверил в успех эксперимента. Таким образом нам удалось завербовать многих учёных и гениальных умов, просто заразив их идеей. Но было и много отказов и насмешек, на которые мы старались не обращать внимания, твёрдо веря в полезность нашего эксперимента и его необходимость для будущих поколений.

Я прикасаюсь к сенсорной панели управления установкой. Она реагирует, отвечая слабой вибрацией. На данный момент установка насчитывает двадцать эпизодов, то есть прошло всего двадцать опытов по фиксации и сохранению души. Пока что нам не удалось расшифровать сигналы, зарегистрированные установкой в процессе эксперимента. Возможно, это белый шум, просто шипение и скрип преломлённого пространства-времени или суперструн. Несколько раз удалось разобрать голоса и посылы душ, но ничего внятного и понятного. Я очень надеюсь, что эксперимент со мной удастся. Всё же я была инициатором и много вложила и сил, и энергии в эту тему. И у меня такое чувство, что это вообще моя миссия, и я для этого пришла на Землю в этой оболочке.

– Здравствуй, дорогая Ева! – Джон Нэш, опираясь на трость, заходит в институт и направляется прямо к установке, расположенной в конце зала.

– А, здравствуй! – я оглядываюсь и улыбаюсь. – Ты как раз вовремя. Я уже готова.

– Ты точно уверена, что именно сегодня хочешь завершить свой жизненный путь? – Джон подходит ко мне и сбавляет громкость голоса.

– Да. Что за вопрос? – я пристально смотрю на Джона. Мы вместе работали последние тридцать лет, и он был незаменимым в области программирования. – Ты же знаешь, что я так решила ещё год назад, когда от нас ушёл Патрик. И последовать сразу за ним не получилось только потому, что я сомневалась в результате, и мы ждали, что пошлёт его душа. Мы ждали информацию.

– Информация пришла, но мы до сих пор не можем её расшифровать.

– Я прошу не отключать меня от установки ни при каких обстоятельствах как можно дольше. Только ты знаешь, как прекратить считывание информации, – я сажусь в рабочее кресло рядом с установкой.

– Боюсь, что теперь даже и мне не удастся остановить этот процесс. Я его загнал в далёкую вселенную и прикрепил к чёрной дыре в соседней галактике.

– Даже не представляю, как тебе это удалось, но чувствую, что именно этого мы хотели и ожидали. Пусть пронесётся во вселенной через века и останется потомкам. И я надеюсь, кто-то сможет расшифровать послылы душ.

– Хорошо, что мы попробовали создать дешифратор на основе теории суперструн и твоего энергопотока, и велика вероятность, что тебя он сможет прочесть. Если мы получим положительный результат, тогда я создам подобие из своего энергопотока.

– Не забудь заложить это в программу, чтобы другие люди смогли создавать индивидуальные дешифраторы.

– Попробую, но думаю, об этом ещё рано говорить, я пока не могу гарантировать результат...

– Как получится, Джон. Основное, чтобы хотя бы меня считал. А потом на основе наших данных учёные внесут необходимые доработки.

Джон молчит. Нэшу удалось совместить ряд теорий управляющей динамики в квантовой механике и создать программу считывания и фиксирования информации с запредельной скоростью и отсутствующей массой в преломлённом пространстве-времени, образуемом в результате выброса огромного потока энергии из коллайдера в установку. Опершись на край стола, он стоит рядом с установкой напротив меня. Наступает тяжёлый момент прощания.

– Ну что же. Вот, пожалуй, с тобой я тоже всё обсудила, – я улыбаюсь. – Ты остаёшься за главного, если это можно так назвать.

– Ясно, – Джон пытается вспомнить, не забыли ли чего, но в этот момент ничего не идёт на ум. – Я пойду. Если что-то вспомню, скажу...

– Если я буду ещё жива, – улыбнулась я. – Да ты не волнуйся. Даже если вспомнишь значительно позже, ты сможешь внести изменения. Вряд ли это будет что-то глобальное.

– Да, – Джон осёкся, явно чувствуя себя неловко. – Ну, я не знаю, что сказать. Просто ты в добром здравии, а мне нужно говорить тебе слова прощания. Все наши эксперименты проводились, когда человек не ожидал смерть так явно, как ты её ждёшь.

– Да, ещё и поэтому я чувствую, что со мной всё получится, – я говорю спокойно и уверенно, и постепенно это передаётся Джону.

– Да и мне так кажется. В общем, видя твою внутреннюю гармонию и даже чувствуя её, я становлюсь всё спокойнее и увереннее за тебя и наш опыт. Как будто в действительности ты не умираешь. И будет что-то дальше.

– Вот именно. И я в предвкушении нового этапа на своём Пути.

– Всё, я пошёл. Счастливо, и привет всем, кого встретишь, – Джон улыбается и позволяет себе немного пошутить.

Он нагибается, берёт мою руку и пожимает её. Я кладу свою вторую руку на его и сжимаю. Нэш уходит. Тишина. Только мерное жужжание установки, сопровождающееся выбросом энергии и уханьем каждую минуту.

В это время заходит Илаф с неизвестно каким по счёту мужем, поэтому в семье к нему мало кто относится серьёзно. За ними семенит маленькая собачка непонятной породы, виляя хвостиком и путаясь в ногах Илаф. Женщина достаёт влажные салфетки, садится на корточки, берёт свою собачонку и протирает ей лапы, причём обращается с ней как с игрушкой и очень по-детски. Как будто ребёнок застрял в её сущности, и она проживает свою жизнь на одном уровне психологического развития, хоть уже давно взрослая женщина. Но именно благодаря своему внутреннему ребёнку она очень талантливый художник и искренняя личность. В это время её муж присоединяется к остальным родственникам у стола, приготовив стул для Илаф.

– Мой пупсик готов к обеду, и я тоже, – наивно произносит Илаф, приняв ухаживания мужа и усаживаясь на приготовленный стул.

– Прекрасно. Теперь все, кто сегодня с нами, в сборе, – говорю я, оглядывая присутствующих.

Стол у нас огромный, рассчитан на четырнадцать персон, был специально заказан для нашей семьи. Если потесниться, за ним можно разместить до двадцати человек. Сегодня присутствует примерно половина. Большинство наших детей живёт в других странах, и домой они приезжают не очень часто. В основном мы переписываемся и вполне довольны этим. Я не привязывала детей к себе, вырастив их до совершеннолетия. Мы с Патриком научили их быть самостоятельными и ответственными. Научили быть свободными и уверенными в себе. И главное, привили любовь к Богу и твёрдую веру. Благодаря этой любви и нашей поддержке нашим детям удавалось достигать высокого уровня профессиональной самореализации и творческого самовыражения. Они знают, что у них есть миссия на Земле, и каждый старается её выполнить, что основная привязанность – это Бог, а остальное может быть непостоянным, временным, и только в этой жизни. И всё зависит от личной воли каждого человека и внутреннего духовного развития. Равняясь на нашу с Патриком любовь к Богу, друг к другу и на любовь к окружающим людям, наши дети скопировали эту способность и смогли реализовать себя в жизни по максимуму, не обращая внимания на пустое, несущественное, такое как жажда обогащения, власть, успех. И я не перестаю гордиться ними, хотя и скрывая это. Они молодцы.

– Ой, я забыла принести приправы, – спохватывается Мила и уже готовится встать из-за стола.

– Не надо суетиться, родная, – успокаиваю я её. – Принесут, не волнуйся.

Милочка любит суетиться, и откуда она это взяла? Мы с Патриком давно перестали торопиться и суетиться. Всё это ни к чему, когда понимаешь и осознаёшь бессмысленность жизни и ощущений, к которым стремится человек. И самое главное стремление человека – это бессмертие и божественность. На этом пути он всегда терпит поражение, потому как ни то, ни другое человеку не доступно.

– Мамуля, у меня всё никак не может уложиться в голове твоё сообщение, – у Илаф вырывается, видимо, давно сдерживаемое чувство, и она лепечет пискляво, – я, как только получила твой имейл, сразу почувствовала, с тобой что-то не то.

– Мне не хочется сейчас выяснять это, дорогая.

Я вздыхаю, понимая свою оплошность. Видно, в последнем письме к ней я слишком увлеклась и чересчур подробно описала свои планы по эксперименту, о чём вообще-то старалась среди детей не распространяться. Теперь придётся посвящать всех собравшихся в свои дела. А я так хотела попроситься перед сном, уйти спать и всё. А утром они прочтут мои прощальные письма.

– Ты, как всегда, преувеличиваешь, – встаёт на защиту матери рассудительный и невозмутимый Амир. – И вообще, откуда такая тревожность?

– Это не тревожность. Это интуиция! – с гордостью заявляет Илаф.

– Предлагаю приступить к обеденной трапезе и насладиться моими кулинарными шедеврами. Я очень старалась, – прерывает начавшийся спор Милочка тоном, не терпящим возражений. Но потом смягчается, – ну, пожалуйста!

– Да, Милочка с каждым разом сама себя превосходит и не перестаёт меня удивлять, – подхватываю я и с благодарностью смотрю на неё, потом быстро перевожу взгляд на остальных детей и на их спутников.

Как же здорово, что мне удалось продлить свою жизнь и вырастить, дать любовь стольким детям, да ещё посвятить время науке и экспериментам. Хотя нас с Патриком долгожителями не назовёшь. Многие в наше время проживали столько же, а некоторые и больше. Однако большинство людей, хоть и мечтают о бессмертии, не могут найти себя после девяноста и, уж тем более, после ста лет. Они настолько удивлены и испуганы таким продлённым сроком, что не знают, чем себя занять и как использовать дарованное время. Возможно, будущие поколения победят этот страх и спланируют свою жизнь с учётом долголетия.

Обед вышел на славу, все блюда были просто объедение. Мы ели, не скрывая удовольствия, и Милочка радовалась, что её старания не пропали зря. Великое желание чувствовать себя нужным и полезным присуще большинству людей. Как ни старайся говорить ребёнку о любви и о том, что он ценен просто так, ни за что, лишь потому что родился и живёт, видимо, этого всё равно мало. Или, скорее всего, это оттого, что дети чувствуют, что они не родные. На каком-то подсознательном уровне. И бессознательно ищут эту безусловную любовь матери. Я старалась им дать эту любовь и старалась любить безусловно. Может, я в чём-то ошиблась? Конечно, это ещё зависит и от самого ребёнка. Кому-то нужна эта любовь, а кому-то нет. Странно, однако, не может быть такого. Любовь нужна всем и каждому. Это самый приближённый смысл бытия. Без любви нет ничего. Конечно, можно жить с этим «ничем», но это тем более бессмысленно. Всем детям мы стремились дать почувствовать и увидеть любовь Бога, воспитывали в них уверенность в Его любви и покровительстве. Это лучше, чем зависеть от любви земной. Любовь Бога постоянна и безусловна.

Так в разговорах, мои дети заканчивают обед, благодарят Милу и Господа Бога за пищу и расходятся по своим делам. Я почти всё время молчу, слушаю, наблюдаю за моими дорогими близкими, с которыми провожу последние часы, обмениваюсь поцелуями с ними и прощаюсь. Я должна снова сходить в институт, проверить установки ещё раз. Ещё раз всё проверить!!! Это так важно для меня и для будущего человечества. Кто-то может сказать, что я много на себя беру. Собственно, нам с Патриком пришлось выдержать волны неприятия и давления во время приобретения земли и строительства адронного коллайдера и института. Нужно было обосновать необходимость этого дела. Бюрократия была и будет, пока существует власть, да и вообще, пока зло не будет искоренено в человеке и не настанет эпоха искренности. Но это всё настолько утопично, что граничит с безумством. Однако, когда речь заходит о здравом смысле, за основу берутся законы логики, и считается, что она присуща человеку с эмоциональным контролем и вообще развитому в психическом плане. Развитый – значит правдивый и с собой, и со своими чувствами. Значит, осознаёт своё зло и борется с ним. Когда человек поборет зло в себе, искренне отвечая на вопросы внутри себя, когда будет осознавать свои эмоции и нести ответственность за свои поступки, тогда прекратится проекция зла на внешний мир и угроза извне. Космос интересно отвечает на неосознанность человека. По всему миру идут войны, и человек никак не может понять, что это война в первую очередь внутри него. Законы природы идентичны! Человек ждёт спасателя, когда же придёт кто-то, кто искоренит зло, изменит человека и даст ему волшебную таблетку лучшей жизни, о которой он мечтает?

– Почему так трудно получать удовольствие от того, что имеешь? Почему человек не понимает, что всё внешнее – это отражение внутреннего, и забывает об этом? – звучит вопрос внутри меня.

Я иду в институт и вспоминаю вопросы на конференции по психологии на тему: «Волшебная пилюля для идеальной жизни». Эти вопросы я задала профессору и, конечно же, ответ на них меня не удовлетворил, потому что в то время я не могла радоваться тому, что имела.

– Потому что человек несовершенен, и ему это трудно принять. Идеальный образ его Я распространяется на всё вокруг, и человек начинает сравнивать, оценивать, критиковать и осуждать всё, что не соответствует его представлениям об идеале. Своим самомнением он душил всё настоящее и живое, подгоняя под рамки идеалов.

– В этом процессе участвует разум, а не чувства?

– К сожалению, да! Человек не научился жить чувствами и осознавать их. Он твёрдо верит в свою непоколебимую логику и ум, как будто нет чувств и души.

Это произошло за год до встречи с Патриком, и тогда я ещё не подозревала, как это отразится на моей жизни. Вот сейчас вспомнила эти моменты. Я в последнее время много предаюсь воспоминаниям, как ни пытаюсь их отогнать. Видимо, потому что о будущем мало думаю. Больше стараюсь его почувствовать, представить себя, вернее, свою душу в ином мире, хотя и знаю, что эти представления не будут соответствовать действительности. От разума и знаний к чувствам и душе. Постоянные внутренние волны. Это и есть процесс осознания, и я ему научилась. Наконец-то, в итоге своего жизненного пути! Я приближаюсь к институту. За сегодняшний день это уже четвёртый раз, когда я захожу в его двери. Немного волнительно с приближением вечера, и я в ожидании этого момента.

Зайдя в институт, я улавливаю звуки из генераторной и направляюсь туда, к самой дальней двери в конце коридора. Ничего необычного. Там всегда звук мощный, учитывая массу материи, разгоняемой в инкубаторе, куда сначала поступает сгусток энергии из адронного коллайдера. Здесь всегда дежурит мастер, следящий по монитору за работой оборудования. В инкубаторе возникает мощная гравитация, которая преломляет пространство-время, имитируя чёрную дыру. Она выполняет важную роль в эксперименте.

– Предлагаю создать имитацию чёрной дыры, – как-то высказался Патрик.

– Зачем? – не думая, спросила я и тут же сама догадалась. – А, кажется, я уловила твои мысли! Если есть имитация Большого взрыва, создающаяся в адронном коллайдере, а вселенная не существует без чёрных дыр, значит, нужны и они. А как ты это создашь?

– Пока не знаю. Подумаю и посоветуюсь со специалистами.

В ходе экспериментов мы зарегистрировали реагирование чёрной дыры в момент смерти живого существа путём изменения симметрии, хоть и еле уловимое датчиками установки. И пока я сама не окажусь по ту сторону жизни, не смогу описать её действие. Есть только догадки. Чёрная дыра служит переходным тоннелем между этим миром и тем. Ад и рай по ту сторону дыры. Вернее, не по ту сторону, а в другом микромире, который образуется в преломлённом пространстве. И вероятно, на духовном уровне стирается антропное восприятие, и можно что-то проследить.

– Добрый день! Как дела? – спрашиваю я у мастера, входя в «Дыру». Так мы с коллегами окрестили инкубаторскую.

Мастер, тёмнокожий мужчина пятидесяти лет читает книгу. Когда я вхожу, он поднимает голову, добродушно мне улыбается и кивает в ответ.

– Спасибо, Ева! Отлично. Как у тебя?

– Да и я тоже ничего. Установка готова к приёму? Пришла проверить.

– Да, как всегда, готова и работает бесперебойно. На данный момент никаких всплесков и изменений внутри чёрной дыры не наблюдается. Она тебя ждёт!

– Да, ждёт! И я жду, когда окажусь там. Чувствую, как она манит меня и зовёт сквозь пространство. Ладно, зашла в последний раз навестить вас в этом мире. Счастливо оставаться.

– И тебе счастливого Пути, Ева. Встретимся в другой жизни.

– Да, надеюсь на это.

Я выхожу из «Дыры». Уверена, что здесь всё хорошо. Меня больше волнует регистратор и память, так как это важно для архивации полученных данных. Так, в посещении разных лабораторий и последнем кратком общении с коллегами проходит день, и начинается смеркаться. Приближается вечер. А потом ночь и конец моей жизни. Опять ощущаю слабую дрожь и холодок в теле. Что бы это значило? Я ведь готова и жду этого момента. Что же всё-таки пугает? Неопределённость. Как всегда. Но я выполнила свою миссию, много сделала в этой жизни. А может, страшно, что там? Страшно отдаться потоку? Это всегда волнительно – отпустить контроль. А именно это и произойдёт после моей смерти. Хотя я всячески пытаюсь оставить этот контроль, оправдывая свои действия тем, что провожу эксперимент и хочу оставить потомкам свой след и информацию. Удивительно, что этот свой след я оставляю после смерти. След души. Отпечаток в пространстве. Хоть бы получилось. Я мысленно сжимаю кулачки. Хоть бы получилось.

Последний ужин с родными проходит мирно и без каких-либо эксцессов. Они узнают о моей смерти завтра утром. Я мысленно прощаюсь со всеми, провожаю взглядом, украдкой смахиваю слезу.

– Мама, у меня чувство, что ты смотришь на меня, как в последний раз, – ловит мой взгляд чуткая Илаф.

– Ты очень красивая, и я горжусь тобой, – мягко ухожу я от ответа и её пронзительного, пытливого взгляда.

Я прощаюсь со всеми, стараясь не подавать вида. И у меня это получается. Ухожу в свою комнату. А когда стемнело, выхожу на улицу и направляюсь в институт. Дышу полной грудью. Всё же как хорошо дышать. Душа не дышит. В этом я почему-то уверена.

Захожу в институт, прохожу в инкубаторскую. Здесь меня уже ждёт мой ассистент. Молодая девушка, гений, вундеркинд. Ей всего пятнадцать лет, но она владеет пятнадцатью языками, знает в совершенстве физику, квантовую механику, теорию гравитации, основы программирования, генетику, инженерию и много всего другого, необходимого в эксперименте. Мы с Патриком встретили её, когда путешествовали по России, в одном из маленьких городков на севере, название даже не помню. И эта девчушка, которой тогда было восемь лет, показывала на улице трюк с предметами, которые умудрялась поднимать в воздух, не прикасаясь руками. Тогда мы спросили, как она это делает? Это фокус или что? И она, смеясь, просто объяснила, что это делается легко, если создать в пространстве элемент гравитации. Она сделала куб из стекла, создала условия и спокойно показывала людям трюк, выдавая его за волшебство и зарабатывая деньги.

– В жизни волшебства не бывает, – поделилась она с нами в момент откровения, – это всего лишь знания и применение знаний.

– Ты где живёшь?

– Там, – махнула она рукой в сторону скученных домов, потерявших вид и стоявших еле-еле, отражая время и старость.

– А что родители говорят?

– Я живу с тётей. Родители умерли.

– Как тебя зовут?

– Марина, – улыбнулась она.

Мы встретились с тётей, и поскольку она ни в какую не соглашалась отдать опеку, подписали соглашение, что по достижении совершеннолетия племянницы, она отпустит её к нам работать. Но всё произошло немного по-другому. Примерно год назад, за месяц до смерти Патрика, Марина приехала к нам, сказав, что сбежала от тёти, не дождавшись совершеннолетия, из-за того, что та плохо с ней обращалась. Мы уладили все вопросы с законом и пред-

ложили девушке рабочее место и квартиру недалеко от института. Жить с нами она отказалась, хотела быть одна. Что ж, квартирами мы располагали и предоставляли их работникам при необходимости.

– Добрый вечер, вернее уже ночь, – кивает головой Марина.

– Ещё раз здравствуй. Без лишних слов приступим. Всё уже готово, и я весь день только и делала, что проверяла все установки. Не будем тянуть и покончим с этим, – я бодро укладываюсь на кровать, подключаю дыхательную систему и натягиваю на себя стеклянный щит.

Стеклянный щит прокручивается вокруг кровати и плотно закрывается. Всё, моя капсула герметична. Когда начнётся эксперимент, установка создаст внутри неё вакуум. Я ещё дышу и смотрю сквозь стекло на небо. Крыша стеклянная, и ночное небо со звёздами располагает к мечтам и созерцанию. Я готова умереть.

Глава 5

Смерть

Я делаю вдох. Он последний. Выдох. С этим выдохом что-то вылетает, как вода из только что открытого крана. Последний удар сердца. Мозг пока работает. Тело становится ватным, и я его не чувствую. Душа приобретает свою форму и структуру. Не знаю как, но я её чувствую и знаю, что это именно моя душа. Она парит над телом в вакуумном инкубаторе. Ей тесно. Мне тесно, моей душе, и я хочу вырваться. Где-то гремит и шумит. Я оглядываюсь. Сквозь стекло инкубатора вижу размытые и оттого странные очертания тела Марины. Она всматривается в моё бывшее тело и лицо, сверяется с данными приборов и компьютера. Ментафон пересылает мысли. Я бью в стекло и хочу вырваться наружу. Очень хочется полететь. Огромное желание. Но вдруг что-то меня останавливает. А, шум! Я вспоминаю об эксперименте. И тут же жалею, что задумала всё это. Ничего не хочется делать. Невероятная лень и потребность лететь и летать. Я не понимаю, зачем всё это. А, это моё сознание с невероятным усилием проникло в мою душу, и пытается управлять ею, как мозг телом. Я злюсь и мечусь по инкубатору. Шум приближается. Внезапно я чувствую, что меня куда-то засасывает. Я пытаюсь уцепиться хоть за что-нибудь, но руки проходят сквозь предметы и лишь хватают пустоту, всё проскальзывает, я не ощущаю своего веса и понимаю, что больше не могу влиять на материальный мир. Меня засасывает в отверстие инкубатора, находящееся в изголовье.

– Земное тело Евы умерло в 0 часов 48 минут 28 октября 2094 года, – Марина делает голосовую запись в журнале регистрации. – Возраст 121 год. Состояние здоровья на момент смерти удовлетворительное. Работа сердца и...

Марина продолжает начитывать регистрационные данные о состоянии здоровья и общие заключения. Моя душа в это время пытается пробиться сквозь стекло и борется с засасыванием. Странно. Ведь внутри капсулы я не могу ни за что ухватиться, мои руки проходят сквозь предметы, но, тем не менее, оболочка инкубатора для меня непреодолима. Как будто что-то кроме стекла держит меня внутри, и что-то внешнее управляет моей душой. Но я помню о своей миссии и поэтому сопротивляюсь. Какая-то сила, как магнит, очень сильно тянет меня в образовавшуюся воронку. Марина заканчивает запись, бросает взгляд на инкубатор, глядя сквозь мою душу, смотрит на часы. Прошло меньше пяти минут. Слегка кивнув, как будто дав самой себе команду, она нажимает кнопку, связывающую инкубатор с адронным коллайдером. Из инкубатора резко вытягивается воздух, и образовавшемся в вакууме я уже ничего не вижу. Я миг оказалась в другом пространстве. Темно. Мою форму и структуру сканирует микроскан. Ощущаю шлепок где-то сзади и оглядываюсь. Это ко мне припечатался код. Теперь моя душа привязана и сохранена. Прекрасно. Всё идёт по плану. Что-то сильно гремит и бьётся. Это столкновение частиц в коллайдере. Мой слух обострён. Меня продолжает засасывать в воронку. Ментафон прекращает передачу мыслей. А я уже вижу гравитационное преломление пространства и различные цвета, зоны. Я внедряюсь в это, и меня буквально разрывает на куски. Но душа оказывается очень пластичной и гибкой. Как бы её ни растягивали гравитационные волны, я чувствую свою духовную целостность. Я успокаиваюсь. Продолжаю двигаться в волнах. Что-то новое и необычное. Сколько времени проходит в этом эйфоричном состоянии, я не знаю, и у меня нет необходимости знать. Мне очень хорошо. Не мешают никакие мысли, дела, обязанности. Внезапно я останавливаюсь, но не сама. Остановила какая-то внешняя сила. И вот меня тянет назад. Я разворачиваюсь и плыву обратно, хотя это лишь ощущение. На самом деле трудно понять, куда я плыву, и у меня нет реальной потребности в определении направления. Я это всё чувствую в глубине души. Логических связей у меня нет. В этом пространстве присутствует какой-то магнетизм, который тянет меня. Волны меняются. Цвет, глу-

бина, время и плотность тоже. Меня несёт с невероятной скоростью, и передо мной предстают разные люди, чьи-то жизни в разные периоды времени, начиная с зарождения жизни на Земле. Я вижу себя в эмбриональном состоянии и покойницей, перескакиваю с одного периода своей жизни на другой. И всё это проносится с большой скоростью. Меня освещает яркий свет и, привыкнув к нему, я вижу свой институт, лес, парк, цветы. Я парю над верхушками деревьев. Вижу своих родственников, которые идут от дома к институту. Видимо, уже наступил день, и они узнали, что я умерла. Я спускаюсь ближе к земле.

– Как так?! Она умерла и никому ничего не сказала! Я могу понять внезапную смерть, но оказывается, она её спланировала и подготовила, что, в общем-то, тоже не укладывается в моей голове, – жена Амира возмущается, стараясь сдерживать голос, и постоянно оглядывается, проверяя, не слышит ли кто её.

– Мама сделала то, что хотела. Этот эксперимент – цель её жизни, – пытается защитить и оправдать меня Амир.

– Можно было бы подумать об окружающих, близких, родных.

– Она выполнила свою миссию на Земле.

– Какой ты бессердечный. И тебе не жалко, что она умерла? – не понимает жена Амира.

– Конечно, жаль, и мне её будет не хватать. Но, в конце концов, все умрут. И она прожила счастливую долгую жизнь, наполненную наукой, духовностью и интересными событиями. Тем более, папа умер ровно год назад. Мы могли бы это предвидеть. Они были очень близки и привязаны друг к другу.

Я парю, оставив попытки вмешаться и что-то сказать. Меня никто не слышит и не видит. Конечно, я же смотрела фильмы и читала книги. Всё так и есть, и сейчас я в этом убедилась. Мне необходимо попасть в институт. Это важнее всего. Работает ли установка? А что если не работает? Что я могу сделать?

В инкубаторской мирно жужжит установка, а Джон Нэш склонился над сенсорной панелью, с интересом что-то изучая. Марина за другим компьютером так же увлечённо чем-то занимается. Я просачиваюсь в комнату сквозь стены. Эту удивительную способность я обнаружила, когда спускалась. Меня понесло прямо на дерево, и... оно прошло сквозь меня.

– Сигнал, как появился некоторое время назад, так по-прежнему и поступает. Но он то усиливается, то ослабевает. Сейчас очень сильный, – Джон просматривает отчёт.

– У меня тоже есть движение и слабое мерцание. Возможно, это душа Евы, – подтверждает данные Марина. – Впервые с момента смерти Евы есть движение.

Эксперимент идёт! Моя душа получила условный код Ева1, потому что была первой душой, которая готовилась к опыту сознательно и была готова духовно. Душе Патрика был присвоен код Патрик1, но её не удалось закодировать, вернее, она не прикрепилась, поэтому не было возможности вернуть её обратно в инкубатор и проследить. Кажется, это моя душа подаёт сигналы. Марина и Джон пытаются раскодировать послылы. Я же парю над сетью, в инкубаторе вижу своё тело, его уже погрузили в длительную заморозку. Сейчас я должна через чувства сообщить о своём присутствии. Мерцание усиливается. Оно мелькает синими и красными сполохами в воздушном пространстве, огороженном невидимыми стенами и являющемся прямой проекцией движения сгустка энергии. Благодаря программе, записанной в сети, этот сгусток энергии, или моя душа, перемещается по еле уловимым волнам и нитям внутри трансформатора, который выглядит, как солнечная батарея, и представляет собой кристалл, состоящий из множества кругов, образующих перевернутый конус высотой пять метров, под потолок лаборатории. Внутри кристалл пронизан нитями-сенсорами, он как огромный белый одуванчик. Именно здесь ловятся и концентрируются чувственные послылы души.

Внезапно раздаётся слабый звук, потом ещё раз и ещё. Джон и Марина хватают наушники и вслушиваются. Очень тихо и где-то далеко слышен звук.

– Может, это что-то гудит в установках? – предполагает Джон, не снимая наушник.

– Не уверена, – обеспокоенная Марина снимает наушники и прислушивается. – Тут явно посторонний звук, которого раньше не было. Это одна и та же нота монотонно звучит и звучит со стороны трансформатора.

– Кажется, Ева пытается нам передать информацию через звук, – улыбается Джон. – Она натягивает нити одуванчика в кристалле, и они издают звук.

– Музыка души? – восхищается Марина. – Сколько раз слышала эту фразу. Да, верны слова, Ева всегда их повторяла: «Законы природы идентичны». Пока звучит одна и та же нота. Это «ми» первой октавы.

– Ты знаешь ноты? Занималась музыкой?

– Хм... Чем я только ни занималась! – смеётся девушка. – Если я за что-то бралась, то изучала до конца весь материал, известный в природе.

– Тогда мы, кажется, распознали код и посыл. Теперь сопоставим ноты и буквы и сможем прочесть сообщение. Каждая нота и аккорд будут соответствовать определённой букве или слову. Сейчас поймём.

Джон заносит в программу нотную грамоту и запускает дешифратор по нотам. Теперь звуки трансформируются в буквы и слова.

– Молодец Ева! Молодец, молодец! Догадалась! – Марина светится от счастья. – Применила теорию суперструн и, натягивая волны пространства, реализовала передачу данных через музыку.

Ух-ух-ух, вздыхаю я. Наконец-то услышали! Я уже думала, меня окружают глухие. Я бесцельно перекатываюсь в энергетических волнах, наслаждаясь лёгкостью, и дёргаю за нити пушистую сеть одуванчика. Пока они распознают музыкальный код, я могу просто порезвиться. Мне необычайно легко, и я постоянно забываю, зачем я здесь. Напоминает засасывающий вакуум, который периодически возвращает меня к трансформатору, если я, заигравшись, улетаю далеко от этого мира и Земной жизни. Я проваливаюсь сквозь подушку гравитации, и меня несёт невероятное чувство эйфории. Как под наркозом – никакого чувства ответственности и контроля. Меня обволакивает тепло и нежность, и я чувствую, что я дома. В очередной раз меня тянет волной непонятная сила. Она, как воронка, засасывающая и выплёвывающая, – в зависимости от направления. Я постоянно оказываюсь то в одном, то в другом пространстве, зоне, сфере, системе, периоде. В одно мгновение перескакиваю и только успеваю замечать, как меняется окружающая среда.

– Теперь звук стал тише, и вообще еле-еле различим, – Марина встревоженно вслушивается и вглядывается в трансформатор, пытаясь уловить хоть малейший шорох или шёпот.

– А ты посмотри вот сюда, – Джон показывает на свой экран сети, куда выводит отчёт дешифратор, преобразующий тонкую энергию и музыкальный звук в электрический сигнал, который в свою очередь преобразуется в текст на экране. – Сигнал есть, но очень слабый. Вероятно, она периодически удаляется и возвращается, как маятник или качели. Только эта периодичность хаотичная, вернее, нет никакой периодичности, известной науке.

– Ну, это, можно сказать, уже не новость, что неизвестный порядок существует в некоторых кристаллах.

– Я про это и говорю... – еле слышно отзывается Джон, увлечённый едва уловимыми сигналами.

Я опять возвращаюсь и вижу своих коллег. Трогаю нити-струны и играю слова:

– Привет, это я, ЕваЕваЕваЕваЕваЕваЕва.

– Есть контакт! – Джон радостно поворачивается к Марине.

Марина устремляет взгляд к сети Джона и тоже видит приветствие от меня.

– Невероятно! – улыбка, смешанная с восторгом и удивлением, светится на её лице. – Потрясающе!..

Она подбегает к сети Джона и набирает на клавишах приветствие.

– Привет, Ева. Это Марина.

Джон протягивает свою руку и дописывает своё имя.

– И Джон.

Они переглядываются и улыбаются друг другу.

– Как ты себя чувствуешь? – недолго думая, пишет Марина.

До меня доходят еле уловимые звуки, даже не звуки, а послылы внутрь меня, и я различаю слова.

– Хорошо. Мне очень хорошо. Здесь невероятный мир и очень легко. Я как будто нахожусь в постоянном наркозе. Меня то засасывает в воронку, и я кручусь с немыслимой скоростью в темноте, то меня выплёвывает на свет.

– Что это?

– Я не знаю. Я не могу думать вообще. Мыслей нет и логических связей тоже. Я вам передаю свои чувства, и что со мной происходит в этой реальности.

– Понятно. А когда тебя уносит, ты можешь передавать чувства и сигналы? Потому что иногда звук становится еле слышным.

– Пока ещё не получалось. Я как будто теряюсь и забываю об эксперименте, и вспоминаю, только когда здесь, рядом, и вижу вас.

– Если не получается помнить вдалеке, может, тогда ты будешь по возвращении передавать, что с тобой происходит?

– Хорошо, попробуем и так, и так. Как получится... Кстати, – через паузу программа выплюнула раскодированные слова на экран, – мне кажется, что вам нет необходимости писать слова. Я ловлю ваши мысли.

– Да?... – Джон замялся. – Буду иметь в виду. И попробую настроить автоматическое считывание мыслей и чувств, как и в материальном теле, при помощи ментафона и астрафона.

– Да, только в нашем случае, если и использовать те же законы, то на микроуровне.

– А как у тебя получается читать наши мысли?

– Во-первых, я вижу будущее, теперь мне это легко удаётся. В один момент передо мной всплывает картина всего – и прошлого, и настоящего, и будущего. Во-вторых, в физике существуют законы, идентично действующие на всех уровнях мира, в том числе и на микроуровне.

– Мне хочется как-то назвать эту сферу микроуровня, где обитают души, поскольку мы наблюдаем твою на своём антропном уровне из своего трёхмерного пространства. И дешифратор выдаёт нам информацию, также адаптированную к нашему материальному миру.

– Да, вам сложно было бы наблюдать то, что я сейчас вижу и ощущаю. Однако, в каких-то примитивных значениях, вы ловите и диагностируете мою информацию из отэспаре.

– Ева, а это что-то совсем непонятное.

– Отэспаре – это иной мир, отличный от материального макромира. Здесь только обитающие души. Они пронизаны и перемешаны друг с другом.

– О! Вот так я и назову сферу микроуровня, где находится душа, – отэспаре.

Он почесал затылок и оглянулся, чтобы увидеть Марину. Всё же было несколько жутковато общаться с духом, да и к тому же, читающим мысли. Внезапно система безопасности загудела и оповестила о посетителе. На экране камер слежения появилось лицо одной из моих дочерей, которая приехала, узнав о моей смерти. Потихоньку родственники собираются у родного очага.

– Напоминаю вам об ограниченном доступе в программу эксперимента, – снова появляются слова на экране.

– Да не волнуйся, – отзывается Джон. «Что вообще может случиться, если даже кто-то и взломает? Хакеры всегда были и есть».

– От хакерских атак мы должны быть предельно застрахованы, – отвечаю я на невысказанные мысли Джона.

Марина вопросительно смотрит на коллегу. Джон оглядывается и пожимает плечами.

– Ты, и правда, читаешь мысли...

Система безопасности снова оповещает о посетителе. Это моя дочь Руди, которая эмигрировала в Европу, как только ей исполнилось восемнадцать лет, единственная из детей, недовольная нами как родителями. Сейчас ей тридцать, но она по-прежнему ребёнок, и злится, что я не сообщила ей заранее о своей смерти. Она уверена, что я это всё специально подстроила. В чём-то она права. Я действительно спланировала свою смерть, но что специально подстроила, это перебор.

– Объясните, пожалуйста, цель своего визита, – настаивает робот, так как добиться внятного ответа от Руди он не может.

– Почему она умерла и ничего мне не сказала?! – Руди морщится и хватается руками за голову. – Я помню, она обещала мне сказать заранее, и вообще, она говорила, что не умрёт!

– Так не хочется пускать эту истеричку, – шепчет Джон Марине. – Она такая капризная и всегда всем недовольна.

Они оба замерли и смотрят на Руди, не в силах принять решение. Моя душа витает где-то здесь, и они ощущают её присутствие. И поэтому ждут решения от меня. А я молчу. Меня в это время опять тянет в водоворот вселенной, и я, сперва пытаюсь ухватиться за что-нибудь и остаться рядом со своим телом и коллегами, не выдерживаю натиска и отдаюсь потоку. Очень сильный магнетизм и тяга, нет смысла сопротивляться.

– Я к маме, пустите меня! – кричит Руди и барабанит в дверь кулаками.

– Пожалуйста, проходите, – наконец-то робот реагирует на ответ и открывает дверь.

– Ева, ты здесь? – посылает вопрос Марина.

Ответа нет. Марина ждёт пару минут.

– Видимо, она переместилась. Как раз можно отключить внутреннюю систему на время прихода Руди. Заодно проведём профилактику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.